

ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Эдмунд Гуссерль
Избранные работы

«Территория будущего»

Гуссерль Э.

Избранные работы / Э. Гуссерль — «Территория будущего»,

Помещенные в настоящем издании работы (и фрагменты работ) не претендуют на полное и систематически связанное представление феноменологии Гуссерля. Однако они дают возможность познакомиться со всеми периодами его феноменологического творчества. Работы упорядочены хронологически и являются воспроизведением уже существующих публикаций, рассеянных, однако, по самым разным изданиям (некоторые из них в настоящее время труднодоступны).

Содержание

Виталий Куренной	5
Феноменологическое движение	6
Развитие феноменологии Гуссерля	9
Основные темы феноменологии Гуссерля	11
О настоящем издании	17
Переписка Эдмунда Гуссерля и Готтлоба Фреге	18
Фреге – Гуссерлю 24. V.1891[1]	18
Гуссерль – Фреге 18.VII.1891	20
Интенциональные предметы	22
Предисловие к публикации «Интенциональных предметов» Э. Гуссерля	22
Интенциональные предметы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эдмунд Гуссерль

Избранные работы

Виталий Куренной

Феноменология Эдмунда Гуссерля

Феноменология – одна из главных философских инноваций XX в. «Прорыв феноменологии» как философского направления произошел в 1900—1901 гг. и был связан с публикацией двух томов «Логических исследований» Эдмунда Гуссерля (1859—1938). В 1900 г. были опубликованы еще две работы тех, кому предстояло сыграть значительную роль в истории ранней феноменологии: «Феноменология воли» Александра Пфендера и «Трансцендентальный и психологический метод» Макса Шелера. Феноменология родилась как направление немецкой университетской философии, но смогла выйти за пределы своего исторического и социального контекста. Отдельные фрагменты того, что Эдмунд Гуссерль понимал под феноменологией, вошли в самые разные течения современной философской мысли, различные философские дисциплины и социальные науки.

Русская культура, чрезвычайно тесно связанная с Германией в начале XX в., очень быстро откликнулась на новое начинание. Переводы работ Гуссерля (первый том «Логических исследований» и статья «Философия как строгая наука») впервые появились именно на русском языке, равно как и переводы работ других ранних феноменологов («Введение в психологию» Александра Пфендера было переведено на русский язык в 1909 г.). Работа «Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы» (1914) крупнейшего русского философа Густава Шпета, познакомившегося с Гуссерлем в 1911 г. в Геттингене, представляет собой первую масштабную рецепцию трансцендентальной феноменологии в России. Феноменологические влияния, таким образом, вплетены в ткань русской культуры, начиная с самого раннего этапа становления феноменологии. С 1960-х гг. в СССР происходит возвращение к историко-философскому освоению феноменологии первоначально в работах К. С. Бакрадзе и Н. В. Мотрошиловой.

В настоящее время феноменология представлена в России широким рядом переводов, появившихся на протяжении последних 15 лет и включивших в себя основные работы как самого Гуссерля, так и других феноменологов, историков и интерпретаторов феноменологии. Также можно говорить о широком корпусе российской литературы как собственно феноменологической направленности, так и историко-философского плана.

Феноменологическое движение

После появления «Логических исследований» феноменология очень быстро распространяется в Германии (по меркам истории философии – практически мгновенно), а затем приобретает известность за ее пределами. Обычно выделяется собственно «германская фаза» развития феноменологии, вслед за которой можно говорить о рецепции феноменологии в других странах. Если ранняя фаза движения еще поддается сколько-нибудь компактному обзору, то простой перечень основных персонажей, философское творчество которых так или иначе – позитивно или критически – связано с феноменологией, занял бы многие десятки страниц. В их числе такие крупнейшие представители аналитической философии, как Бертран Рассел и Мориц Шлик, крупнейшие философские фигуры Франции (например, Жан-Поль Сартр, Морис Мерло-Понти и Жак Деррида), без феноменологии нельзя представить себе ни развитие философской герменевтики, ни западной религиозной философии, ни формирование целого веера психологических направлений в XX в. В силу этого имеет смысл задержаться здесь лишь на раннем, обозримом этапе развития феноменологического движения.

В 1901 году Гуссерль – вопреки желанию факультета – получил от министерства должность экстраординарного профессора в Геттингене, куда он прибыл после того, как на протяжении 14 лет был приват-доцентом в Галле. В Геттингене он поначалу оказался в очень сложной ситуации. Коллеги по факультету не признавали его научные достижения, а среди студентов то, чем он занимался, не вызывало никакого интереса. Роман Ингарден, опираясь, по-видимому, на свидетельство самого Гуссерля, говорит, что на его лекциях в первые годы пребывания в Геттингене присутствовало лишь по несколько слушателей.

Из тех, кто слушал лекции Гуссерля в первые годы его пребывания в Геттингене (а именно в 1902 году) и оставил свой след на поприще философии, можно назвать лишь Дитриха Манке и Гуго Динглера. Но затем в Геттинген из Мюнхена к Гуссерлю начинают прибывать те, кому предстояло стать основными участниками раннего феноменологического движения (представители так называемой «мюнхенско-геттингенской» школы феноменологии) – Адольф Райнах и Йоханес Дауберт (1905), Мориц Гайгер (1906), Теодор Конрад (1907), Дитрих фон Гильдебранд (1908). В 1907 году Теодор Конрад организует «Геттингенское философское общество» (Геттингенский феноменологический кружок), сходное с тем, что существовало в Мюнхене еще с конца XIX века. Если некоторые из прибывавших из Мюнхена студентов оставались в Геттингене (подобно Райнаху, занявшего место ассистента Гуссерля и преподававшего в Геттингене, начиная с зимнего семестра 1909/1910 гг.), то другие проводили там по одному семестру (Гайгер). В это время между Геттингеном и Мюнхеном постоянно курсируют студенты и молодые докторанты. После 1909 года в Геттинген начинают прибывать ученики не только из Мюнхена, но и из самых разных уголков Европы (Александр Койре, Роман Ингарден, Эдит Штайн и другие). Макс Шелер, познакомившийся с Гуссерлем уже в 1901 году, прибывает в Геттинген в качестве лектора «Геттингенского философского общества» в 1911 году. До этого с 1907 года он был приват-доцентом в Мюнхенском университете.

Символической датой рождения феноменологического движения иногда называется также май 1904 года, когда Гуссерль посетил Мюнхен, где встречался с Теодором Липпсом (главой независимо – до появления «Логических исследований» – формировавшейся «мюнхенской феноменологии») и его учениками. Важным результатом этого общения была организация и выход в 1913 году «Ежегодника по философии и феноменологическому исследованию», первый выпуск которого был издан Гуссерлем совместно с Морицом Гайгером, Александром Пфендером, Адольфом Райнахом и Максом Шелером (за время издания (1913—1930 гг.) вышло 11 его выпусков). «Ежегодник» является тем изданием, в котором сосредоточены все основные, «классические» работы немецкой феноменологической философии.

В то же время выход в свет первого выпуска «Ежегодника» представляет собой своего рода итог раннего феноменологического движения. Первая мировая война и последовавшее в 1916 году назначение Гуссерля во Фрайбург – это поворотные пункты его дальнейшего развития. Война опустошила ряды геттингенских учеников Гуссерля и унесла жизнь одного из наиболее талантливых и влиятельных представителей ранней генерации феноменологов – Адольфа Райнаха, который в Геттингене занимал то место «второго полюса» (в смысле влияния на студентов), аналог которому во Фрайбурге составил Мартин Хайдеггер. В то же время, первый выпуск «Ежегодника» открывала первая книга «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерля («Идеи I»), публично обозначившая переход Гуссерля на позиции *трансцендентальной феноменологии*, что и послужило основанием для первой «схизмы» в истории феноменологического движения (отходом «мюнхенцев», в частности Пфендера, от феноменологии Гуссерля). Этот процесс характеризуется как самими его участниками, так и позднейшими историками феноменологии как размежевание «мюнхенско-Геттингенской» и «фрайбургской» феноменологии.

Дальнейшее развитие феноменологии как в Германии, так и за ее пределами уже не было отмечено той степенью коммуникативной плотности, институциональной оформленности и энтузиазма, которой отличает данный предвоенный период («феноменологическая весна», как назвал этот период Жан Геринг). Несмотря на то, что в последующий период сохраняются отдельные институты, возникшие в рамках ранней фазы движения (такие, как «Ежегодник») или же сохранившиеся с «предфеноменологической» фазы (Мюнхенское общество), система коммуникаций, сложившаяся в этот период, была нарушена.

Эти изменения шли параллельно с трансформацией содержательных позиций главных участников движения. Особую роль в этом процессе сыграл, как было отмечено, переход Гуссерля на позиции трансцендентальной феноменологии. Данный переход рассматривался участниками ранней фазы развития феноменологического движения как фундаментальное изменение характера феноменологической философии Гуссерля, вернувшегося к «субъективизму» и «идеализму» немецкой классической философии.

Начавшийся «фрайбургский» этап развития феноменологии связан как, с одной стороны, с ростом международной известности Гуссерля, так и, с другой стороны, со все более нарастающим пониманием Гуссерлем того, что он продолжает развивать свой новый вариант феноменологии в одиночестве. Первоначально Гуссерль полагал, что нашел мощного союзника в лице Мартина Хайдеггера (о карьерном продвижении которого он постоянно хлопочет), однако эта надежда не оправдалась: выход в свет работы Хайдеггера «Бытие и время» в восьмом томе «Ежегодника по философии и феноменологическому исследованию» (1928) показывает, что Хайдеггер двинулся своим собственным путем. Анализ же предшествующих лекционных курсов Хайдеггера позволяет говорить о том, что тот на протяжении длительного времени развивает свой философский подход через критику проекта трансцендентальной феноменологии Гуссерля. В 1930 г. один из американских гостей Гуссерля – Ральф Перри – так резюмировал содержание своего разговора с ним: «Долгий разговор с Гуссерлем. Он стремился основать научную философию на прочном фундаменте – рассмотреть заново все специальные науки, обращаясь к первоначальному и беспредпосылочному основанию их всех – и, возможно, достичь метафизики синтезом полученных истин. Ясно, что он расстроен тем, что его лучшие ученики (например, Хайдеггер) покинули его, избрав спекулятивные пути. Гуссерль неутомимый и одинокий труженик».

В 1928 году Гуссерль выходит на пенсию, но при этом активно начинает выступать с докладами – как в Германии, так и за рубежом. В 1933 г. после прихода к власти нацистов, его – как еврея – увольняют из университета, лишая ряда тех привилегий, которыми пользуются вышедшие на пенсию профессора. Однако в том же году он был восстановлен в правах. После

смерти Гуссерля основная часть его архива почти сразу была вывезена в Лувен, где этот архив находится и в настоящее время.

Рукописное наследие Гуссерля огромно – около 30 000 страниц скорописи. Вплоть до настоящего времени это наследие выходит в рамках «Гуссерлианы» – собрания сочинений Гуссерля, первый том которого появился в 1950 г. «Гуссерлиана» является выдающимся по своим характеристикам изданием – другие классики философии XX века пока еще не имеют сходных собраний сочинений. На 2004 год вышло 38 томов Гуссерлианы, не считая томов серии «Документы».

В самой Германии феноменология – как в силу прихода к власти нацистов, так и в силу изменения «философской моды» – постепенно отходит на второй план. В послевоенное время она фактически заново импортируется из-за рубежа. Например, Бернхард Вальденфельс, один из наиболее известных современных немецких феноменологов, впервые взял в руки Гуссерля только во время своего послевоенного обучения во Франции.

Послевоенное развитие феноменологии осуществляется главным образом в виде различных исследований, посвященных философским построениям Гуссерля и других феноменологов. На сегодняшний день число соответствующих публикаций просто не поддается обзору. Правда, феноменология в таком понимании не соответствует тому представлению, который имел о ней Гуссерль и другие ранние феноменологи. Они стремились развивать феноменологию как живую философию, «философию как строгую науку», а вовсе не как историческое изучение чужого философского наследия.

Развитие феноменологии Гуссерля

В философии Э. Гуссерля выделяют «дофеноменологический» этап его творчества, а также три периода собственно феноменологического этапа: период «дескриптивной» (или «эйдетической»), «трансцендентальной» и «генетической» феноменологии. Если ограничиться теми работами, которые были опубликованы самим Гуссерлем, то к дофеноменологическому периоду относится «Философия арифметики» (первая книга вышла в 1891 г., вторая так и не была написана). Начало первого феноменологического периода было положено «Логическими исследованиями», второй начинается с «Идей I» и включает в себя такие его крупные работы, как «Формальная и трансцендентальная логика» (1929) и «Картезианские размышления» (1931). Третий этап связан с работой «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (большая часть которой была издана в 1936 году в Белграде). Эта сложная эволюция различным образом трактуется в исследовательской литературе, поэтому укажем здесь лишь основные направления интерпретации развития феноменологии Гуссерля.

В философской и историко-философской литературе можно выделить два подхода к трактовке вопроса преемственности между этими тремя фазами феноменологии Гуссерля. Если мы рассматриваем их, так сказать, в «горизонтальной» плоскости (термин П. Рикера), то можно указать на значительные разрывы между указанными периодами. В «Логических исследованиях» нет, например, выраженной концепции феноменологических редукций, направленных на достижение сферы «чистого сознания», концепции сознания как «абсолютного бытия» и теории трансцендентального Я, – темы, которые явным образом присутствуют в «Идеях I». В оценках представителей раннего феноменологического движения, а также тех мыслителей, которые в той или иной мере использовали феноменологический метод, «Идеи I» нередко оцениваются как отход от тех принципов, которые были провозглашены в «Логических исследованиях» (такие оценки встречаются, в частности, у Мартина Хайдеггера, Мориса Мерло-Понти, а также у многих представителей ранней феноменологии). Как правило, здесь указывается на влияние неокантианства. Польский философ Роман Ингарден – один из участников и очевидцев «феноменологической весны» – так описывает то впечатление, которое произвел тогда выход «Идей I»: «На семинаре 1913/1914 гг. мы читали их вместе с Гуссерлем и слышали его комментарии к этой книге. И там, на семинаре, возникло определенное удивление. Это было не то, что мы ожидали. Вдруг мы читаем такие положения: “Если мы вычеркиваем чистое сознание, то мы вычеркиваем мир” (!); “Если нет чистого сознания, то нет и мира” (!). Гуссерль многие годы учил нас: назад, к вещам, к конкретному, не к абстрактному, не к теориям и т. д.! Ближе к конкретному! – таков был лозунг. Вместо этого в “Идеях I” мы встречаем обширные анализы сознания, анализы внешнего, трансцендентного восприятия, основанные на рассуждениях о том, что является реальной частью сознания, а что не является таковой. Затем мы встречаем требование проведения “феноменологической редукции” до того, как мы приступим к анализу сущности “самих вещей”, а к “самим вещам” следует подходить только окольным путем, а именно путем анализа сознания».

Аналогичным образом «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» нередко трактуется как поворот к историчности и проблематике «жизненного мира», связанный с влиянием историзма, прежнее негативное отношение к которому Гуссерля нашло свое выражение в статье 1911 года «Философия как строгая наука», где содержалась, в частности, критика Вильгельма Дильтея. В одном из писем Эрнсту Кассиреру (от 11. III.1937) Гуссерль также характеризует содержание «Кризиса» как «трансцендентализм нового вида».

Другой ракурс рассмотрения развития феноменологии Гуссерля можно назвать «иерархическим». Тогда «чистая, трансцендентальная феноменология», проект которой изложен в «Идеях I», является не иным типом феноменологии, а лишь иным уровнем рассмотре-

ния, последовательно вытекающим из принципов феноменологического метода, заложенных в «Логических исследованиях» (в частности, последовательным проведением метода интенционального анализа). Подобная интерпретация является наиболее распространенной среди современных исследователей феноменологии Гуссерля. Данное обстоятельство не в последнюю очередь связано с изучением и публикацией лекционных курсов и обширного рукописного наследия Гуссерля, известного лишь непосредственным его ученикам или даже вовсе неизвестным современникам. В своих работах, начиная с «Идей I», Гуссерль также неоднократно указывал на то, что трансцендентальная феноменология является последовательным шагом, вытекающим из принципов феноменологической философии, изложенных в «Логических исследованиях». Отвечая на распространившуюся после выхода второго тома «Логических исследований» поверхностную оценку феноменологии как «дескриптивной психологии», он пишет во введении к «Идеям I»: «...чистая феноменология, к каковой мы в дальнейшем намерены проложить путь, – та самая феноменология, первый прорыв к которой произошел в “Логических исследованиях” и смысл которой все глубже и богаче раскрывался для меня в работах протекшего с тех пор десятилетия, – это не психология и <...> причисление ее к психологии исключается не какими-либо случайными разграничениями области и терминологически, но принципиальными основаниями».

Работа «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» и другие написанные в поздний период тексты Гуссерля согласно такому подходу также рассматриваются не как неожиданный «поворот к жизненному миру», а – по словам немецкой исследовательницы творчества Гуссерля Элизабет Штрёкер – как «последовательное проведение Гуссерлем своей трансцендентально-феноменологической программы, предельное напряжение и использование тех методологических возможностей, которые содержит интенциональный анализ».

Основные темы феноменологии Гуссерля

Обозначенная схема развития феноменологии Гуссерля указывает на то, что его философия является весьма неоднозначным в своей трактовке концептуальным образованием, прошедшим сложный путь исторического развития. Тексты Гуссерля довольно трудны для понимания, отличаются собственной сложной и разветвленной терминологией, требуют знания дискуссий, которые велись в немецкой философии того времени. Если при этом еще учитывать объем его текстов, нередкую смену позиции по тем или иным вопросам, то становится понятным, что философию Гуссерля нельзя изложить как некую законченную систему взглядов.

Однако одна из особенностей феноменологической философии как раз и состоит в том, что она никогда не претендовала на то, чтобы быть философской системой. *Антисистемность* – важнейшая отличительная особенность феноменологии (см. программную статью Гуссерля «Философия как строгая наука» в настоящем издании). Именно поэтому феноменология понимается как *метод*, а не как определенная философская доктрина, дающая какой-то законченный ответ на основные философские вопросы. Но в феноменологии Гуссерля можно все же выделить ряд инвариантных линий, константных элементов и постоянных тем, позволяющих достаточно полно охарактеризовать его философский проект в целом. Перечислим некоторые из этих тем и константных элементов.

Философия сознания и смысл. Феноменология Гуссерля и многих (хотя и не всех) его последователей ставит в центр своего рассмотрения сознание. Таким образом, она находится в русле того направления западной философии, которое берет начало с Декарта. В этом состоит ее отличие от предшествующей философии, для которой отправной точкой философствования является *бытие*. Лишь в XX веке обозначилась возможная альтернатива двум этим основным подходам, а именно философия, берущая за отправную точку *язык*. Но характеристика феноменологии как «философии сознания» должна пониматься с двумя оговорками.

Во-первых, сознание отнюдь не является исходной темой феноменологической проблематики Гуссерля. Но можно сказать, что только путем анализа сознания Гуссерль предполагал найти решение тех вопросов, которые встали перед ним в связи с анализом других проблем. А именно проблем знакового символизма (сначала математики, затем логики и языка в целом). Для пояснения этой особенности, необходимо обратиться к научной биографии Гуссерля.

Гуссерль отнюдь не был философом изначально. Поступив в Берлинский университет в 1878 г., он изучает математику у таких известных представителей этой дисциплины, как Кронекер и Вейерштрасс (в 1883 г. он даже был ассистентом последнего, защитив в том же году докторскую диссертацию по теме «Теория вариационного исчисления»). Именно в это время в математике происходят весьма любопытные процессы. Во второй половине XIX в. математики остро осознают теоретическую неупорядоченность математического аппарата, где множество отдельных математических дисциплин сосуществуют, не образуя связного единства. Для решения этой проблемы было предложено несколько стратегий. Например, тот же Вейерштрасс надеялся свести всю математику к арифметике, придав ей стройный и упорядоченный характер дисциплины, основанной на едином основании. Готтлоб Фреге, работы которого были известны Гуссерлю, но почти не пользовались известностью в Германии, придерживался еще более смелой программы, получившей название «логицизм». Смысл ее состоял в том, чтобы взять за основание математики логику. Неудивительно, что когда Гуссерль обратился собственно к философии, то начал работу именно над философскими основаниями математики.

Обращение Гуссерля к философии произошло только в 1884—1886 гг., когда он начал посещать лекции Франца Brentano в Вене. Brentano является одной из центральных фигур австрийской философии того времени. К числу учеников Brentano относятся такие круп-

нейшие мыслители как Антон Марти, Алексиус Мейнонг, Каземир Твардовский и др. Все они, кстати, оказали весьма значительное влияние на становление аналитической философии, равно как и феноменологии. Лекции Brentano очень впечатлили Гуссерля. Именно Brentano он называл своим учителем в философии. Сам Гуссерль говорит об этом так: «Только из его лекций я вынес убеждение, придавшее мне смелость выбрать философию в качестве жизненного призвания. Оно состояло в том, что философия также является полем серьезной работы, что ей также можно, а значит и нужно заниматься в духе строгой науки».

После обучения у Brentano Гуссерль защищает «габилитационную» работу «О понятии числа» (1887), дающую право на преподавание в университетах. Это происходит в Галле, куда Гуссерль прибывает по рекомендации Brentano к Карлу Штумпфу (также ученику Brentano). В своей ранней работе «Философия арифметики» Гуссерль обращается к фундаментальным проблемам математики, стремясь раскрыть общезначимую природу математики путем обращения к анализу актов сознания. В намерение Гуссерля (так и не реализованное до конца) входило показать, каким образом система математики, основываясь на очевидностях актов сознания, затем облекается в символическую форму и может далее развиваться, оперируя только знаковыми формами. Показательно, что в свой самый поздний период Гуссерль вновь обращается к проблеме знакового символизма, но оценивает его критически – как забвение живого смысла, преисполненного наглядности. Таким образом, обращение к проблематике сознания в данном случае не является для Гуссерля самоценной. Она продиктована его обращением к тем проблемам, над которыми в то время работали как философы, так и математики.

Однако после публикации «Философии арифметики» Гуссерль получает неожиданный критический отзыв. В том же 1894 г. Готтлоб Фреге, состоявший с Гуссерлем в переписке, публикует рецензию на его работу, где уличает его в «психологизме». *Психологизм* – это философское направление, в рамках которого психология выступает в качестве основополагающей дисциплины по отношению к самым разным дисциплинам – психологии, математике, логике и т. д.

В то же время Фреге (последовательный «антипсихологист») в своем письме Гуссерлю от 24.V.1891 обращает внимание последнего на проблему, которая без преувеличения является одной из ключевых для понимания феноменологического проекта в целом. Это проблема выражений, которые имеют «смысл» («Sinn» в терминологии Фреге), но не имеют «значения» («Bedeutung»), или предметного референса. В трактовке самого Фреге смысл является объективным, независимым от психологической специфики отдельных людей (см. статью Фреге «О смысле и значении», которая была хорошо известна Гуссерлю). С той же проблемой на более близком ему языке школы Brentano Гуссерль сталкивается, читая работу Каземира Твардовского «К учению о содержании и предмете представлений» (см. работу «Интенциональные предметы» в настоящем издании). Все последующее развитие философии Гуссерля нельзя понять без этих двух элементов – преодоление *психологизма* (следующая после «Философии математики» большая работа Гуссерля – «Пролегомены к чистой логике» (первый том его «Логических исследований», вышедший в 1900 г.) – является, собственно, классическим образцом критики психологизма) и признание *объективности смысла*.

Смысл объективен постольку, поскольку он существует независимо от того, соответствуют ли определенным выражениям какие-то «действительные предметы», а также постольку, поскольку он вовсе не сводится к психическим переживаниям отдельных людей. Но если Фреге лишь заявил об этих характеристиках, то Гуссерль попытался найти этому объяснение, рассматривая смысл как определенную – *интенциональную* – характеристику психологических переживаний, которая не может быть сведена к самим этим переживаниям. Последствия этого открытия трудно переоценить для феноменологии, которую иногда также называют *философией смысла*. Такой подход, истоки которого, как мы видели, коренятся в анализе математических выражений, открывает широчайшие горизонты исследования человеческой куль-

туры в целом. Например, он позволяет исследовать мифологические представления как особого рода сферу, вполне объективную по своему характеру, независимо от того, что самим мифологическим представлениям ничего не соответствует «в действительности».

Таким образом, для феноменологии Гуссерля принципиально важно то, что за отправной пункт она берет проблему *семантики выражений*. Этой проблеме посвящено и первое исследование, открывающее второй том его «Логических исследований». Обращение же к анализу сознания служит разрешению тех вопросов, которые возникают в ходе рассмотрения семантических проблем. Такая постановка проблемы отличает, таким образом, философию сознания Гуссерля от классической философии сознания картезианского типа, ставя ее достаточно близко к тем подходам, которые имеют место в аналитической философии (также ведущей свою родословную от работ Фреге).

Возвращаясь к теме философии сознания, следует, далее, сказать, что трансцендентальная феноменология Гуссерля (а именно в период трансцендентализма тема сознания занимает у него господствующее положение) является философией сознания особого рода, отличающейся как от *картезианской*, так и от *кантовской* философии сознания. Упрощая и снимая ряд нюансов, эти различия можно резюмировать следующим образом. В отличие от Декарта, Гуссерль не субстантивирует сознание. Согласно Гуссерлю, сознание не является «субстанцией», некоей «вещью» мира. Сознание не часть мира, а – в соответствии с трансцендентальной феноменологией – конституирующая мир синтетическая спонтанность интенциональных актов, которую нельзя рассматривать как особого рода предмет физической или психической природы. Сознание – это область *сущностных (априорных) отношений и сущностных усмотрений*.

Все эти выражения указывают на то, что область сознания не включена в систему *каузальных отношений*, которым подчинена любая вещь мира – физического или психического. Именно поэтому для феноменологии область сознания должна исследоваться философски, а не с помощью методов других наук.

В отличие, в свою очередь, от Канта, отношение к которому у Гуссерля колеблется в различные периоды его творчества, его трансцендентализм *не является конструктивистским*. Смысл данной характеристики в том, что анализ сознания у Гуссерля не предполагает ту стратегию трансцендентального обоснования, которая была применена Кантом, а затем развита в «трансцендентальном методе» неокантианцев. Кантовский подход состоит в том, чтобы, фиксируя некий факт (например, общезначимость математики), выстроить определенную группу факторов таким образом, чтобы они предстали перед нами как «условия возможности» данного факта. В том случае, если данная конструкция в целом образует систему, позволяющую вывести из нее данный факт, то в рамках трансцендентального обоснования считается, что данная конструкция вполне достоверна. Гуссерлевский анализ сознания отрицает данную конструктивистскую стратегию, руководствуясь максимой *обращения к опыту* (хотя и опыту особого рода). Эта максима воспрещает обращаться к каким-либо конструктам и теориям помимо или в обход самой феноменологической данности. Поэтому Гуссерль часто повторяет, что феноменология – это философская работа «снизу», она исходит из опыта, а не из каких-то принятых независимо от опыта сознания принципов.

В одной из формулировок самого Гуссерля (§ 24 «Идей I») данная максима называется «*принципом всех принципов*» и звучит следующим образом: «Никакая мыслимая теория не может заставить нас усомниться в *принципе всех принципов: любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания, и все, что предлагается нам в “интуиции” из самого первоисточника* (так сказать, в своей настоящей живой действительности), *нужно принимать таким, каким оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает*. Ведь мы же усматриваем и то, что любая мыслимая теория могла бы любую из своих истин почерпнуть в свою очередь лишь в данном из самого первоисточника. А следовательно

любое высказывание, которое просто придает выражение такого рода данностям через посредство их простого эксплицирования и с помощью точно примеренных значений, не делая ничего сверх этого, действительно есть <...> *абсолютное начало*, призванное в подлинном смысле быть основоположением, действительно есть *principium*». Такой же смысл имеет и своего рода лозунг феноменологического движения, выражаемый словами «к самим вещам!». Это означает, что нужно исходить из интуитивно-очевидной данности, а не из каких-либо теорий и теоретических конструкций.

Дескрипция и априори. Тем самым определяется и основной характер феноменологической эпистемологии. Феноменология занимается не объяснением, которое превалирует в большинстве наук, но описанием (дескрипцией) и анализом. В ходе феноменологического аналитического описания следует устанавливать сущностные различия, которым подчинены все другие отношения, фиксируемые в нашей опытной жизни. Эти отношения, как уже было сказано, являются априорными (сущностными или, как выражается Гуссерль, «эйдетическими»).

Однако смысл «априори» у Гуссерля отличается от того смысла, который придал этому понятию Кант и который обычно и имеется в виду, когда его употребляют. Кантовское различие априори и апостериори – это различие того, что можно установить до всякого опыта («синтетическое априори» Канта относится ко всякому возможному опыту), и того, что можно установить, лишь прибегая к опыту. Кантовская трактовка этих терминов не является, однако, классической. Два эти понятия восходят к аристотелевскому различию «первого по природе» и «первого для нас» (ср. Вторая аналитика, 71b 38–72a 8), причем «первое по природе» вовсе не обязательно является «первым для нас». Напротив, для нас «первое по природе» является обычно результатом длительного исследования. Феноменологическое понятие априори наследует этому классическому употреблению. Априорное – это сущностное, сущностно определенное сознанием (вторая формулировка соответствует феноменологическому трансцендентализму). Но это не означает, что мы можем выявить априорное вне всякого опыта. Напротив, ряд феноменологических методик (например, «варьирование в фантазии»), берет за отправную точку именно опыт, чтобы выявить сущностные границы этого опыта. В связи с проблематикой априори в феноменологии важно также отметить, что в отличие, например, от логического позитивизма, феноменология признает наличие *синтетического априори*, которое и является, собственно, областью философского познания для феноменологии. Причем сфера этого познания является, по сути, бесконечной: для такого исследования открыты все области и предметы человеческого познания.

В противном случае, считают феноменологи, у философии просто не остается собственно предмета для исследований.

Интенциональность. Каким образом, однако, мы, обращаясь к анализу нашего текущего и переменчивого сознания, можем выделить там – с наглядной *очевидностью* – сферу априорных сущностей? Для Гуссерля такой сферой являются интенциональные характеристики психических актов нашего сознания, которые не тождественны этим собственно психическим переживаниям.

Понятие интенциональности было введено Францем Brentano и заимствовано – правда, с определенными модификациями – Гуссерлем, постоянно подчеркивавшим заслугу Brentano в открытии интенциональности. В своей работе «Психология с эмпирической точки зрения» Brentano вводит это понятие для разграничения сферы «психических» и «физических» феноменов: «Всякий психический феномен характеризуется посредством того, что средневековые схоласты называли интенциональным (или же ментальным) внутренним существованием предмета, и что мы, хотя и в несколько двусмысленных выражениях, назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не должна пониматься реальность), или имманентной предметностью. Любой психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в

суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любит, в ненависти – ненавидит и т. д.». Эта «направленность на» представляет собой главную характеристику интенционального свойства («акт-характера», как называет ее Гуссерль) психического переживания, которая, собственно, и является априорно-конститутивным (в рамках трансцендентальной феноменологии) структурным моментом жизни нашего индивидуального психического сознания. Именно интенциональная характеристика является носителем объективного «смысла», является «сущностной» и «априорной» составляющей нашего сознания. Она, выражаясь словами Бернарда Больцано (еще одного важного для понимания Гуссерля мыслителя), несет смысл «сам по себе».

Естественная и феноменологическая установка. Чтобы получить доступ к этой априорной сфере интенциональных характеристик, необходимо, однако, выполнять ряд методологических процедур. Эта тема, по сути, является тем методологическим нервом, который направляет эволюцию взглядов Гуссерля в сторону «трансцендентального идеализма». Обращение к сфере «чистого сознания», как называет его Гуссерль, требует перехода от *естественной* («наивной») к *феноменологической* («рефлексивной») установке, осуществления феноменологического *эпохэ* (термин античных скептиков, означающий воздержание от суждения). «Эпохэ» – это отказ от экзистенциальных полаганий, т. е. отказ от такого рассмотрения предметов (среди которых и наше собственное сознание), которое включает в себя их существование.

Для развития этой методологии Гуссерль использует также картезианский метод скептического сомнения (поэтому в особую стратегию выделяется «картезианский путь» в феноменологии, который был сформулирован Гуссерлем в Парижских докладах и в работе «Картезианские размышления»).

Феноменологическое эпохэ, однако, это далеко не простой методологический шаг. По сути, он выполняется во множество этапов, которые называются *редукцией*. Редукция – это отказ от «соплагания» существования при рассмотрении различных регионов сущего.

Типологически редукции подразделяются на два главных вида: «эйдетическую» и «трансцендентальную». Эйдетическая редукция позволяет нам феноменологически изучать различные регионы сущего в сфере нашего сознания. Однако наиболее радикальный шаг – это трансцендентальная редукция, которая «заключает в скобки» существование также нашего сознания и открывает, согласно Гуссерлю, путь к его конститутивному и трансцендентальному пониманию.

Один их аспектов этой проблемы выражается в том, что в творчестве Гуссерля существует сложная тема гармонизации отношений между *трансцендентальной феноменологией* и *эйдетической психологией*. Последняя, как полагал Гуссерль, вставший на почву трансцендентализма, не является радикально феноменологической, поскольку не осуществляет последний, самый важный шаг на пути к трансцендентальной феноменологии. Однако провести различие между эйдетической психологией и трансцендентальной феноменологией было весьма непросто даже для самого Гуссерля. Об этом свидетельствует как весьма кропотливая работа над статьей «Феноменология» для энциклопедии «Британика», для которой Гуссерль подготовил целых четыре варианта, так и многие другие его работы (например, «Амстердамские доклады»). Эта проблема имеет существенное значение и для понимания истории рецепции феноменологии Гуссерля. В первом томе «Логических исследований» содержалась последовательная и резкая критика психологизма. Однако во втором томе, вышедшем в 1901 г., Гуссерль имел неосторожность назвать свой феноменологический подход «дескриптивной психологией». Поднялась волна критики, обвинявшей его в возврате к психологизму. Гуссерль постарался дистанцироваться от этих обвинений как в отдельных публикациях, последовавших за первым изданием «Логических исследований», так и перерабатывая «Логические исследования» для второго издания, вышедшего в 1913 г.

Темпоральность, «чистое я» и интерсубъективность. Развивая трансцендентальный вариант феноменологии, Гуссерль пришел к выводу о том, что существует инстанция сознания, которая – наряду с областью интенциональных актов «чистого сознания» – не подлежит редукции. Это «чистое» или «абсолютное я», инстанция, аналогичная той, которую можно встретить, в частности, в философии Канта («трансцендентальное единство апперцепции») и в философии Фихте. Признание наличия «трансцендентального *эго*», проблему которого Гуссерль разрабатывает, начиная с «Идей I», отличает первое издание «Логических исследований» от второго издания этой работы, в котором он признается, что «научился находить “чистое я”». Это понятие является одним из наиболее спорных при трактовке феноменологии Гуссерля. Многие феноменологи и исследователи феноменологии считают, что «чистое я» – это конструкция, а не дескриптивно обнаруживаемый феномен.

Тема «чистого я» тесно связана с еще одной важной темой феноменологии – *внутренним сознанием времени*. Дело в том, что и «чистое я», и темпоральность сознания выступают у Гуссерля как претенденты на решение проблемы *единства сознания*. В первом случае в качестве гаранта такого единства выступает именно «чистое я» (а темпоральное самоконституирование рассматривается в таком случае как «результат действия “абсолютного *эго*”» (Георг Рёмп)). Во втором случае данная инстанция трактуется как избыточная в силу изначальной фундаментально-темпоральной природы сознания.

Обращение к анализу трансцендентальных структур сознания, а также редукция окружающего мира, включая и существование других людей, ставит перед феноменологией проблему *солипсизма*, которая является одной из наиболее трудноразрешимых для всякой философии сознания. Она заключается в следующем вопросе: каким образом *монадически*-замкнутое «я» может признавать независимое существование других сознаний, а не рассматривать их как продукт конститутивной деятельности самой «монады»? В силу важности этой темы проблема *интерсубъективности* занимает весьма значительное место в трансцендентальной феноменологии Гуссерля. В частности, ей посвящено его пятое «Картезианское размышление». Гуссерль разрешает эту проблему строго априорно-феноменологическим образом: монадическое сознание является, так сказать, априорно интерсубъективным, а не солипсистски замкнутым в себе.

История и жизненный мир. Поздний период творчества Гуссерля отмечен обращением к новым для него темам. Это, с одной стороны, проблемы *пассивного синтеза* сознания – спонтанной деятельности, которая определяет генезис структур нашего сознания. Пассивный синтез во многом определяет своеобразную индивидуальную историю сознания, складывающуюся под влиянием его совокупного опыта. Однако наибольший философский резонанс получили размышления Гуссерля над историей и «кризисом европейских наук», выход из которого видится ему на путях именно трансцендентальной феноменологии. «Кризис», в котором находятся не только науки, но и все «европейское человечество», связан с тем, что наглядное восприятие мира, «оживляющее» любые смысловые конструкции, постепенно все больше подменялось в ходе развития западных наук определенными конструктами, живой смысл которых был утрачен. Этот процесс Гуссерль иногда называет «седиментацией смысла», т. е. превращением живого, преисполненного наглядностью и связанного с нашим жизненным миром, смысла в пустые «окаменелости» знаков и теорий. Использование этих знаков и теорий позволяет науке развиваться очень быстро и эффективно, но в то же время придает им такую власть, что мы начинаем действовать, руководствуясь этими безжизненными схемами и игнорируя всякую живую очевидность того, что мы делаем. Происходит «забвение жизненного мира», возврат к которому возможен лишь путем обращения к изначальным источникам нашего опыта, по сути, к феноменологическому освоению мира.

О настоящем издании

Помещенные в настоящем издании работы не претендуют на полное и систематически связанное представление феноменологии Гуссерля. Однако они дают возможность познакомиться со всеми периодами его феноменологического творчества. Работы упорядочены хронологически и являются воспроизведением уже существующих публикаций, рассеянных, однако, по самым разным изданиям (некоторые из них в настоящее время труднодоступны). Фрагменты из второго тома «Логических исследований» (поскольку в основу существующего перевода положено второе их издание), датированы здесь 1913 г., тогда как первое издание, важнейшие разночтения с которым приведены в примечаниях к переводу, вышло в 1901 г. За редкими исключениями никаких изменений в существующие переводы при подготовке настоящего издания не вносилось. Мы выражаем благодарность Виктору Молчанову за его рекомендации по составлению настоящего сборника, а также Елене Озобкиной, просмотревшей тексты для публикации и обратившей внимание на ряд недочетов в существующих переводах, которые мы постарались здесь по возможности исправить.

Для более подробного ознакомления с творчеством Гуссерля мы рекомендуем читателям обратиться к работам Н. В. Мотрошиловой (в частности, *Мотрошилова Н. «Идеи I» Гуссерля как введение в феноменологию.* М.: Феноменология-Герменевтика, 2003), а также к работам В. И. Молчанова (в частности, *Молчанов В. Аналитическая феноменология в Логических исследованиях Эдмунда Гуссерля/ Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания.* Собр. соч. Т. III (1). М.: Дом интеллектуальной книги, 2001), где можно найти указания на публикации источников по феноменологии и исследования по феноменологической философии.

Переписка Эдмунда Гуссерля и Готтлоба Фреге

Фреге – Гуссерлю 24. V.1891¹

Йена, 24 мая 1891

Глубокоуважаемый господин доктор!

Вы меня очень порадовали, прислав свою *Философию арифметики*, а также рецензию на лекции Шрёдера по алгебре логики и свою статью об исчислении выводов и логике содержания², тем более что я и сам много занимался подобными вопросами. <...>

Особенно я благодарен Вам за *Философию арифметики*, в которой Вы настолько обстоятельно учитываете мои собственные усилия подобного рода, как я, пожалуй, до сих пор не встречал. Надеюсь, что вскоре я выберу время, чтобы ответить на Ваши возражения. Здесь я хотел бы сказать только, что между нами, по всей видимости, существует различие в понимании того, каким образом имя понятия (общее имя) относится к предметам. Мое мнение может прояснить следующая схема:

От имени понятия до предмета одним шагом больше, чем в случае имени собственного, и этот последний шаг может отсутствовать – т. е. понятие может быть пустым, – однако тем самым имя понятия не перестает использоваться в науке. Последний шаг от понятия к предмету я обозначил как шаг в сторону, чтобы дать понять, что это происходит на одном и том же уровне, что предметы и понятия имеют одну и ту же объективность (*Основоположения* § 47)³. В поэтическом употреблении достаточно того, что все имеет смысл, в научном – нельзя упускать и значений. В «Основоположениях» я еще не проводил различия между смыслом и значением. Сейчас в § 97 вместо «осмысленное» я бы лучше сказал «имеющее значение»⁴.

¹ Переписка Фреге и Гуссерля помещена в шестом томе переписки Гуссерля («Переписка с философами»). Она включает в себя четыре письма, написанных в период с 24.V.1891 по 9.XII.1906, два из которых воспроизводятся в настоящем издании.

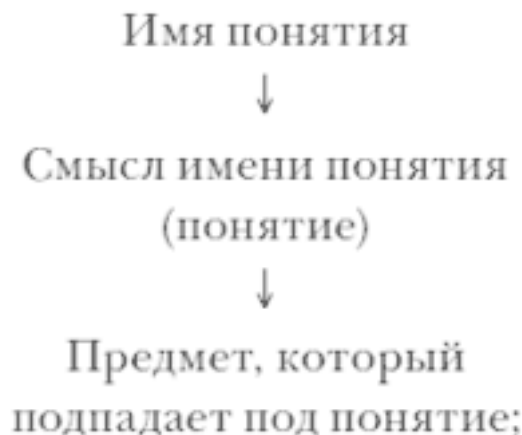
² E. Husserl, *Philosophie der Arithmetik. Psychologische und logische Untersuchungen. Erster Band*, Halle a. d. S., 1891 (=Husserliana XII, S. 1–283); Рецензия E. Schröder, *Vorlesungen über die Algebra der Logik (Exakte Logik)*. I. Band, Leipzig 1890, *Göttingische gelehrte Anzeigen* 1891, S. 243–278 (=Husserliana XXII, S. 3–43); *Der Folgerungscalcul und die Inhaltslogik*, *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie* 15 (1891), S. 169–189 (=Husserliana XXII, S. 44–46).

³ G. Frege, *Die Grundlagen der Arithmetik. Eine logisch-mathematische Untersuchungen über den Begriff der Zahl*, Breslau 1884. Перевод на русский язык: Готтлоб Фреге, *Основоположения арифметики*. Томск: Водолей, 2000.

⁴ *Ibid.*, S. 108: «Ничто не мешает нам использовать понятие “квадратный корень из –1”, но мы не вправе применять здесь определенный артикль и рассматривать выражение “(die) квадратный корень из –1” как осмысленное».

Кроме того, например, в §§ 100, 101, 102, я бы сейчас не раз заменил «смысл» на «значение». То, что я раньше называл содержанием суждения, я теперь разложил на мысль и истинностное значение. Суждение в узком смысле может быть охарактеризовано как переход от мысли к истинностному значению.

У Вас, мне кажется, эта схема выглядела бы примерно так:

так что у Вас от имени собственного до предмета нужно сделать столько же шагов, сколько и от имени понятия. В таком случае между именем собственным и именем понятия различие состояло бы только в том, что имя собственное могло бы указывать только на один предмет, а имя понятия – на многие предметы. Имя понятия, понятие которого было бы пусто, в науке следовало бы отбросить точно так же, как и имя собственное, которому не соответствовало бы никакого предмета.

К сожалению, в ответ я могу послать Вам только несколько небольших работ⁵. Из двух докладов об исчислении понятий⁶ Вы сможете, надеюсь, заметить, что суждение Шрёдера (S. 95 Anm. его *Алгебры логики*)⁷ следует признать безосновательным. Правда, эти работы не вполне соответствуют моей нынешней точке зрения, как Вы увидите это из сравнения со статьей «Функция и понятие»⁸. Но поскольку здесь легко осуществим перевод в мое нынешнее словопотребление, то они могут служить для того, чтобы дать представление о применении моего исчисления понятий. Вместо «то обстоятельство, что...» следует теперь поставить «истинностное значение того, что...».⁹

В надежде на дальнейший обмен мыслями, способный оказать содействие науке, с глубоким уважением преданный Вам *д-р Г. Фреге*.

⁵ Помимо названных в последующих примечаниях работ Фреге, речь может идти о его статье *Ueber formale Theorien der Arithmetik*, *Sitzungsbericht der Jenaischen Gesellschaft für Medicin und Naturwissenschaft für das Jahr 1885*, Jena 1885, S. 94–104 (имеется в библиотеке Гуссерля).

⁶ G. Frege, *Anwendungen der Begriffsschrift*, *Sitzungsbericht der Jenaischen Gesellschaft für Medicin und Naturwissenschaft für das Jahr 1879*, Jena 1879, S. 29–33 (перевод на русский язык: Готтлоб Фреге, *Применения исчисления понятий* // Г. Фреге, *Логика и логическая семантика: Сборник трудов*. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 143–146); *Ueber den Zweck der Begriffsschrift*, *Sitzungsbericht der Jenaischen Gesellschaft für Medicin und Naturwissenschaft für das Jahr 1882*, Jena 1883, S. 1–12 (перевод на русский язык: Готтлоб Фреге, *О цели исчисления понятий* // Указ. соч. С. 194–200).

⁷ E. Schröder, *Vorlesungen über die Algebra der Logik (Exakte Logik)*. I. Band, Leipzig 1890, S. 95, Anm.: «Я надеюсь показать в своей рецензии, что “исчисление понятий” (“Begriffsschrift”) господина Фреге не заслуживает такого названия, но должно в действительности называться логической (или даже наиболее целесообразной) записью суждений (Urtheilsschrift)».

⁸ Gottlob Frege, *Function und Begriff*. Vortrag gehalten in der Sitzung vom 9. Januar 1891 der Jenaischen Gesellschaft für Medicin und Naturwissenschaft, Jena 1891. Перевод на русский язык: Готтлоб Фреге, *Функция и понятие* // Указ. соч. С. 215–229.

⁹ *Anwendungen der Begriffsschrift*, S. 30f. (Применения исчисления понятий // Указ. соч. С. 143.)

Гуссерль – Фреге 18.VII.1891

Галле, 18. VII.91.

Глубокоуважаемый господин профессор!

Извините, что только сегодня благодарю Вас за Ваше дружеское письмо, а также за присланные Вами работы. Я не хотел этого делать, не изучив предварительно эти работы и не продолжив серьезную дискуссию, предложенную в Вашем письме. К сожалению, обстоятельства не отвечали моим намерениям, напрасно я надеялся выкроить достаточно времени, чтобы ясно представить себе – что казалось мне необходимым – существо и область применения Вашего оригинального исчисления понятий. В этом отношении я не могу ожидать слишком много и в ближайшее время, поэтому не хочу более медлить с ответом.

Прежде всего позвольте мне упомянуть то сильное воодушевление и содействие, которое я почерпнул из Ваших «Основоположений». Среди многих сочинений, которые я использовал при работе над своей книгой, я не вспомнил бы ни одного, которое изучал бы с таким удовольствием, как Ваше. И если я не мог согласиться с Вашей теорией по существу, то постоянно наслаждался остроумной оригинальностью, ясностью и, я бы даже сказал, честностью Вашего исследования, которое не допускает мелких неточностей, не умалчивает никаких сомнений, устраняет любую неясность мысли и слова и повсюду стремится проникнуть до последних оснований.

Кроме того, у меня, разумеется, уже давно было желание познакомиться и с остальными Вашими работами. Поэтому я весьма благодарен Вам за целый ряд работ, присланных Вами, и прежде всего за ту, что я до этого тщетно старался достать («О формальных теориях в арифметике»), что делает их доступными для моего изучения.

Я также отмечу, что наши взгляды, несмотря на существенные разногласия по отдельным вопросам, часто совпадают. Некоторые возникавшие у меня наблюдения я обнаруживаю высказанными Вами много лет назад. Вы, например, превосходно говорите: «Задачи же, которые рассматривает Буль, кажутся по большей части выдуманскими с той целью, чтобы их можно было решать с помощью его формул» («О цели исчисления понятий», S. 1¹⁰) – ср. мою рецензию S. 278.¹¹

Существенное различие между *языком* и *исчислением*, на которое я обращаю внимание на S. 258¹², также уже было Вами сделано (*ibid.*, S. 2), путем различения «*calculus ratiocinator*» и «*lingua characteristic*». Однако мне кажется, что исчисление понятий, поскольку это «*lingua characteristic*», нельзя называть «языком формул, построенным по образцу арифметического»¹³. Поскольку должно быть ясно, что арифметика – это *calculus ratiocinator*, а не *lingua characteristic*.

Шрёдеровскую критику Вашего исчисления понятий¹⁴ я еще не читал. Что она, как Вы пишете, несправедлива, я вполне допускаю. Шрёдеру не хватает того, что необходимо для исследования тех областей, о которых здесь идет речь, – логической тонкости и остроты. Он силен в другом отношении: он блестящий техник арифметики, но не более того.

---

¹⁰ Страница дана по указанным выше немецким источникам. На русском языке см. Г. Фреге, О цели исчисления понятий // Указ. соч. С. 194.

¹¹ *Husserliana* XXII, S. 43.

¹² *Ibid.*, S. 21.

¹³ Подзаголовок вышедшей в 1879 году в Галле работы Фреге «Исчисление понятий» («*Begriffsschrift*»).

¹⁴ E. Schröder, Rezension von Freges *Begriffsschrift*, *Zeitschrift für Mathematik und Physik* 25 (1880), S. 81—94.

Пока я не смог, к сожалению, воспользоваться Вашими относящимися к сути дела замечаниями, потому что все еще не ознакомился основательно с Вашими соответствующими работами. Так, например, я все еще не представляю себе, каким образом Вы хотите оправдать мнимость в арифметике. Тот путь, который я после многих тщетных усилий признал ведущим к цели, Вы рассматриваете («О формальных теориях в арифметике», S. 8¹⁵), но отклоняете. Во время этих летних каникул я собираюсь окончательно доработать свои наброски по этому вопросу. Надеюсь, мне затем удастся обобщить суть своей теории в кратком письме.

Я совершенно согласен с Вами в отрицательном отношении к «формальной арифметике», преподносимой не просто в качестве расширения арифметической техники (разумеется, весьма важного), а как готовая *теория* арифметики. Особенно запутанной в этом отношении представляется книга Ханкеля¹⁶, часто превозносившаяся, но в логическом отношении совершенно беспомощная. Намного яснее из всего того, что я читал, англичане, особенно Пеакок. К сожалению, я так и не смог достать его знаменитую *Алгебру* (1845)¹⁷. Так же как и сочинений Грегори¹⁸. Некоторые намеки на его теории я нашел в достойной уважения книжке Файна (*The number system of Algebra*. Boston and New York, 1891).¹⁹

С глубоким уважением

Ваш д-р Э. Гуссерль

Перевод В. Куренного

---

¹⁵ Пагинация по специальному выпуску (= *Sitzungsberichte der Jenaischen Gesellschaft für Medicin und Naturwissenschaft für das Jahr 1885*, Jena 1885, S. 101).

¹⁶ Hermann Hankel, *Vorlesungen über die complexen Zahlen und ihre Functionen*, 1. Theil, Leipzig 1867.

¹⁷ George Peacock, *A Treatise on Algebra I—II*, London, 1842—1845.

¹⁸ William Walton (ed.), *The Mathematical Writings of Duncan Farquharson Gregory*, Camdrige, 1865.

¹⁹ Henry Burchard Fine, *The Number System of Algebra, Treated Theoretically and Historically*, Boston – New York, 1891.

Интенциональные предметы

Роман Громов

Предисловие к публикации «Интенциональных предметов» Э. Гуссерля

Гуссерлевская рукопись «Интенциональные предметы» представляет собой часть незаконченной статьи, имевшей ориентировочное название «Предмет и представление», работа над которой велась летом-осенью 1894 года. Манускрипт «Предмет и представление» состоял из 76 листов и был разделен на две части, в первой из которых рассматривались так называемые «субъективные представления» (1–34 листы в Гуссерлевской нумерации), во второй так называемые «объективные представления» (с 35 по 76 лист). Термины «субъективные представления» и «объективные представления» были заимствованы Гуссерлем у Бернарда Больцано и употреблялись в точном соответствии с их больцановским смыслом – субъективные представления обозначали содержание субъективного акта представления, объективные же обозначали объективно значимое содержание мышления или значение.

Манускрипт сохранился лишь фрагментарно. Его первая часть, по-видимому, полностью утрачена, сохранилась частично лишь вторая часть работы, посвященная объективным представлениям. Вторая часть, в свою очередь, также была разделена на два раздела. Первая и большая часть (35—67 листы) была озаглавлена «Интенциональные предметы», в ней рассматривался парадокс «беспредметных представлений»; во второй части (68—76 листы) анализировалась проблема соотношения значений и предметов. Обложка последней части манускрипта имеет надпись: «различные способы отношения к предметам как способы функционирования значений различных видов». Поскольку манускрипт обрывается, можно предположить, что последние листы либо были утрачены, либо работа так и не была завершена.

В настоящее время сохранившиеся части «Предмета и представления», хранящиеся в гуссерлевском архиве в Лувене, разделены на две папки под номерами K I 56 и K I 62. Манускрипт под номером K I 56 содержит часть «Интенциональные предметы», под номером же K I 62 содержится второй раздел сохранившегося фрагмента.

Тот факт, что статья так и не была закончена, не означает, что Гуссерль утратил интерес к разрабатывавшейся здесь проблематике. В этой работе в эскизной форме намечены ключевые идеи, которые впоследствии легли в основу гуссерлевской теории значения в том виде, как она была представлена в «Логических исследованиях». В ней проведены «сущностные различия» между значением и предметом, значением и его образным репрезентантом, значением и содержанием психического акта. Здесь, как позднее и в «Логических исследованиях», Гуссерль использует мереологическую модель (теория части и целого) при описании структуры сложных значений, при решении проблемы соотношения значения и предмета. Здесь же мы находим фундаментальное для гуссерлевской семантики различие самостоятельных и несамостоятельных значений.

Манускрипт неоднократно подвергался переработке, что свидетельствует о том, что Гуссерль не отказывался от мысли о его публикации. Рукопись была сделана на листах большого формата, именно так, как Гуссерль обычно исполнял работы, намеченные к публикации. Некоторые листы были заново переписаны женой Гуссерля, что сделало их более удобными для чтения наборщиком (7 листов манускрипта сохранилось лишь в качестве таких копий)²⁰. В 1896

---

²⁰ См. K. Schuhmann Husserls Abhandlung «Intentionale Gegenstände». Edition der ursprünglichen Druckfassung // Brentano

году выходит его рецензия на книгу К. Твардовского «К учению о содержании и предмете представлений» в целом воспроизводящая те аргументы и критические замечания, которые были сделаны в манускрипте²¹. По существу, эта рецензия была сокращенным вариантом «Предмета и представления». В 1898–99 годах в манускрипте было сделано несколько сокращений и новых вставок. Примерно в 1900 году было сделано добавление к окончанию части «Интенциональные предметы» в объеме двух листов. По-видимому, именно тогда части манускрипта К I 56 и К I 62 были разделены. Часть К I 56 была опубликована в 22-ом томе Гуссерлианы в 1979 году под редакцией Б. Ранга²². В соответствии с принципами публикации Гуссерлианы, была опубликована последняя редакция этой работы с учетом сделанных Гуссерлем изменений и поправок. Впервые начальная и полная версия «Предмета и представления», включающая обе сохранившиеся части работы, была опубликована в 1994 году в «Брентановских штудиях» под редакцией К. Шуманна. Настоящий перевод сделан по этой публикации.

Предлагаемая работа раннего Гуссерля является поворотным моментом в его философской эволюции на этапе, предшествовавшем «Логическим исследованиям». В ней впервые Гуссерль отходит от так называемой «психологической позиции», которую он занимал в «Философии арифметики». Это выражается, прежде всего, в новой трактовке понятия значения. Если в предыдущих работах значение рассматривалось им лишь в качестве ненаглядного содержания представлений, то в «Предмете и представлении» проводится различие между разнообразным содержанием психических актов и значением как идеальным единством. Новая для Гуссерля проблемная ситуация наглядно проявилась в самой структуре данной работы – он разграничивает дескриптивно-психологические вопросы, связанные с исследованием субъективных представлений, и вопросы семантики, т. е. классификации значений (объективных представлений) и описания способов их взаимосвязей. Интересно, что это разграничение проводилось на основе бльцановской теории субъективных и объективных представлений, с использованием его же терминологии. Это позволяет расставить ряд новых акцентов в вопросе о формировании гуссерлевской теории значения и критики психологизма. Следует также учитывать, что проблема интенциональных предметов решалась Гуссерлем в рамках теории объективных представлений. В этом заключается принципиальное отличие ее постановки у Гуссерля и его непосредственных предшественников и оппонентов – Brentano и Twardowski. Если для Twardowski проблема «беспредметных представлений» – это, прежде всего, вопрос психологического исследования свойств психических актов, то Гуссерль относит ее к ведению семантики, термин представление в этом разделе является синонимом понятия значения и не обозначает какой-либо класс психических феноменов. Существенно меняется и смысл самой проблемы. Гуссерль связывает вопрос об интенциональных предметах с обоснованием научной, в частности, математической методологии. Суть вопроса для него заключалась в исследовании оснований, по которым мы получаем право использовать в научной сфере, и в первую очередь в математике, понятия, обозначающие лишь возможные или недействительные предметы. Иными словами, речь шла об исследовании условий, при которых мы можем обращаться с подобными понятиями в научном дискурсе точно так же, как и с понятиями, относящимися к реальным вещам.

Studien. Bd. 3. Würzburg, 1994. S. 137–142.

²¹ См. E. Husserl *Husserliana*, Bd. 22. Haag: Nijhoff, 1979. S. 349–356.

²² Там же. S. 303–342.

Интенциональные предметы

<...>²³ Если после этих размышлений мы можем предположить, что каждому представлению полагается содержание, составляющее его значение (Bedeutungsgehalt), то теперь остается обсудить несравнимо более трудный вопрос: относится ли также каждое [представление]²⁴ к предметам. Здесь также мнения разделяются, хотя доминирующая тенденция несомненно склоняется к утвердительному решению. Считается само собой разумеющимся, что каждое представление, будь то определенным или неопределенным образом, относится к какому-либо предмету, как раз к тому, о котором говорится, что оно его представляет. С этим, однако, связаны специфические затруднения. *Если каждое представление представляет предмет*, то для каждого же имеется предмет, следовательно: *каждому представлению соответствует какой-то предмет*. Однако, с другой стороны, считается несомненной истина, что не каждому представлению соответствует предмет, имеются, говоря вместе с Больцано, «беспредметные представления». В самом деле, например, очевидно, что представлению «круглый четырехугольник» предмет не соответствует, мы также уверены в этом в случае с такими представлениями, как, например, «нынешний французский король» и т. д. Вследствие этого кажется, что хотя мы можем каждому представлению приписывать значение, однако не каждому – отношение к предметному. Эта тенденция уравнивается, однако, одним новым соображением. Осмысленно и без сомнений правильно мы можем все же сказать: «круглый четырехугольник» представляет предмет, который одновременно является круглым и четырехугольным; однако, разумеется, подобный предмет не существует. Аналогично также в других случаях. Мы говорим о «мнимых числах», как, например,

$$\sqrt{-1}$$

о вымышленных предметах мифологии, как, например, «лернейская гидра». В приведенных представлениях невозможные и вымышленные предметы представлены, но они не существуют. Следует специально отметить, что подобные замечания имеют силу не только для представлений в обычном и более узком смысле слова, в который не включены предложения, но также и для самих [предложений], стало быть, для всего объема предпочитаемого нами и более широкого понятия представления. Каждое предложение, даже ложное или совершенно абсурдное, представляет, можно так сказать, какое-то положение дел (в качестве своего «предмета»), и все же не каждому предложению соответствует положение дел: недействительное предложение представляет положение дел, которое не существует.

Примечательно, что эти затруднения, над решением которых добросовестно билась уже схоластика, все еще не устранены; по крайней мере, в настоящий момент далеко до согласия относительно того, что считать правильным решением.

Подавляющее большинство не испытывает здесь ни колебаний, ни сомнений, оно сразу готово с решением. Естественно, мы можем представлять предмет даже если он вовсе не существует; поскольку представлять его означает иметь соответствующее ему духовное отображение (Abbild), и как вообще картина может существовать, в то время как отображаемое не существует, таким же образом и здесь. Содержание представления не затрагивается бытием или небытием предмета, в нем существует образ фантазии, а предмет существует или же нет вне его; в любом случае представление ничего не теряет от того, есть ли он, будет, был или его нет.

²³ См. предисловие к переводу.

²⁴ Здесь и в дальнейшем в квадратных скобках – дополнения переводчика.

Популярная видимость этого решения могла бы прельстить нас – если бы только в иносказательной форме не заключалась бы та же самая проблема, которая еще должна быть решена, и если бы, помимо этого, против него не звучали бы столь решительные возражения. Прежде всего, мы должны сделать упрек, что факты подгоняются (с учетом пары произвольно предпочитаемых и благоприятных примеров) под теорию, вместо того чтобы подчинить теорию свободной от предрассудков и всеохватывающей констатации фактов. То, что каждое представление относится к своему предмету посредством «духовного образа» (*Abbildes*), мы считаем теоретической фикцией. Имеются бесчисленные представления, в которых фактически не происходит наглядной репрезентации, бесчисленные, в которых она вообще не может произойти. Я хотел бы узнать, какие «духовные образы» должны быть присущи понятиям искусства, литературы, науки и т. п. Или еще имеет смысл мимолетную фантазму золотого оклада (которую я в данный момент обнаруживаю) обозначать в качестве образа искусства, а репродукцию моего книжного шкафа – в качестве образа литературы и науки? Я хотел бы также познакомиться с духовными образами предметов, мыслимых в абсурдных представлениях, и опять же с теми, которые мысленно являются математику при прочтении статьи, наполненной сложными системами формул. Настоящие вихри фантазм должны были бы развеваться в его сознании: пусть поразмыслят о чрезвычайном усложнении понятий, аккумулирующем в одной функционально-теоретической формуле, которую зачастую можно эксплицировать только благодаря многостраничному перечислению определяющих предложений, и еще после этого настаивают на предположении, что каждому такому частичному понятию должно быть предоставлено соответствующее (стало быть, не какое-либо) наглядное созерцание в форме образов фантазии, которые придают конкретность соответствующим абстрактным моментам. Однако я повторяю то, что уже было сказано ранее; довольно, опыт никогда не подтверждал эти фантастические предположения, и если апеллируют к бессознательному, соответственно, к тому, что не замечается, то этим, в любое время готовым гипотезам, дают все же чрезмерное и не обремененное правилами здоровой вероятности употребление.

Однако теория совершает над фактами совершенно бесполезное насилие, она не извлекает благодаря этому для себя никакой пользы, она ничего не объясняет. Образы должны быть представляемыми предметами, о которых действительно говорится: каждое представление представляет предмет. С другой стороны, представляемыми предметами должны быть соответствующие вещи, о которых вновь законно говорится: не каждому представлению соответствует предмет. Но как, не заложено ли в смысле вышеизложенных, кажущихся или действительно противоречивых предположений, что в каждом случае тот же самый предмет, который представлен, существует и, соответственно, не существует? Существует же тот же самый Берлин, который я представляю, и тот же самый не существовал бы более, если бы разразилось наказание, как с Содомом и Гоморрой. Тот же самый кентавр Хирон, о котором я теперь говорю и которого я, следовательно, представляю, не существует. И подобным образом – в каждом случае, когда представление является одновалентным; а впрочем, ради простоты мы можем этим ограничиться. Следовательно, не может везде подразумеваться фантазма, которая непременно существует и которой мы, однако, в объективном мышлении никогда и нигде не интересуемся – разве только в качестве психологов и тогда уже в новых, специально на эти фантазмы направленных представлениях. Затруднение, следовательно, не убавляется, и с той, и с другой стороны высказывания о представлениях относятся к тем же самым объектам, а вся видимость решения проистекает от того, что мы порой также акт представления понимаем как «создание образа чего-то», что здесь, однако, не является его целью.

Против этой точки зрения также правильно возражали, что она изображает дело так, как будто присутствие образа в сознании полностью исчерпывает феномен, который мы называем представлением предмета посредством образа. Имея в представляющем акте образ, это субъективное содержание, мы все же имеем в виду не образ, но соответствующий «внешний»

предмет, который как раз досаждают нам тем, что часто не существует. Сам предмет представляем мы, о нем судим, к нему относится наша радость и печаль, желание и воля. Упускают из вида, что содержание фантазии еще должно будет стать репрезентирующим образом чего-то и что это через-себя-самого-указание образа, которое только и делает его образом и отличает его от простого содержания, созерцая которое мы принимаем его так, как оно есть, – это некий плюс, который нужно существенным образом учитывать. И это через-себя-самого-указание естественно не подразумевает какой-то определенной рефлексии, которая связывается с содержанием и мысленно относит его к предметам. Если бы рефлексия снова образовывалась из представлений, которые, со своей стороны, не исчерпывались бы без остатка в наличном образе-содержании, то бесконечный регресс был бы неизбежен. Однако также мало толку от простых предрасположенностей (*Dispositionen*); они являются бессознательными реальными возможностями, их различия не могут, следовательно, быть различиями пережитых реальностей, они, самое большее, могут иметь значение каузальных моментов, от которых зависят феноменальные различия. Принимаем ли мы содержание таким, каково оно есть, или мы «истолковываем», «понимаем» его в качестве образа – это различие в непосредственном переживании; в последнем случае имеется как раз специфически новый момент акта (который естественно диспозиционально обусловлен, основываясь на остаточном действии более ранних переживаний), придающий наличному содержанию новый психический облик, который мы (описательно) выражаем в форме: наличное содержание репрезентирует что-то, оно не есть то, что мы имеем в виду, мы представляем посредством него какой-то определенный предмет.

Многие исследователи усвоили схоластическое различие между интенциональным и действительным существованием и трактовали это отношение следующим образом: каждое представление имеет предмет, даже представление чего-то абсурдного. Мы понимаем, что означает «круглый четырехугольник», и, следовательно, имеем представление; отрицая же существование круглого четырехугольника, мы отрицали не содержание представления, поскольку о нем мы имеем непосредственное знание. (Это имеет силу очевидно как для содержания в смысле субъективного содержания представления, так и для содержания в качестве объективного значения.) Отрицание, следовательно, может относиться только к представленному в представлении предмету; оно вообще не имело бы смысла, если представление было бы без предмета, если ему предмет не «являлся в качестве данного», с которым отрицание могло бы иметь дело. Таким образом, для каждого представления имеется (представляемый им) предмет. Однако это существование не является «действительным», но «только интенциональным» существованием, оно заключается в простой представленности (*Vorgestelltwerden*). Действительное существование проявляется только в утвердительном экзистенциальном суждении и уже предполагает «интенциональное». Недавно эту точку зрения изложил, к примеру, Твардовский (примыкая к Brentano).²⁵

²⁵ Примечание автора: K. Twardowski, *Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen. Eine psychologische Untersuchung*. Wien 1894. Для обоснования положения, что каждое представление имеет свой предмет, Твардовский опирается на еще один аргумент, который я, однако, выше не хотел приводить: кому, спрашивает он, в случае противоречивого представления полагаются несовместимые свойства? Несомненно, не содержанию представления, поскольку оно в таком случае не существовало бы, – следовательно, предмету представления: хотя он несуществующий, однако же представляемый носитель тех свойств. Здесь, правда, можно возразить: противоречивые качества не полагаются также представляемому предмету, поскольку то, что не существует, также не может иметь качеств, они лишь представляются в качестве полагающихся предмету. Это, правда, учтено в аргументе благодаря концовке, благодаря высказыванию о «несуществующем, только представляемом носителе» однако таким способом, который лишает его всей его consistency. С некоторой условностью можно было бы только сказать: в противоречивом представлении нечто представляется как единый субъект противоречивых, соответственно, друг с другом конфликтующих признаков, в качестве круглого и угловатого и т. п. Это нечто не может быть содержанием, которое существует, в то время как такой субъект существовать не может. С другой стороны, оно все же есть нечто; будь оно ничто, как могло бы оно быть представленным в качестве носителя признаков? В этой формулировке аргумент в значительной мере схож с аргументом, используемым в тексте.

Ее, прежде всего, можно понять так, что она является простым повторением затруднений, только другими словами. Каждое представление имеет предмет; несомненно, что тем самым высказана истина. Мы называем «интенциональным» существованием то, что предполагает это обладание [предметом]. И снова: не каждому представлению соответствует предмет, не каждое фундирует утвердительное [суждение], следовательно, многие фундируют отрицательные экзистенциальные суждения. Это так же неоспоримо как и то, что мы называем «действительным» существованием то, что предполагается в разговоре о существовании. Однако как можно разрешить кажущееся противоречие обеих истин, об этом мы не узнаем ничего. Проведено лишь терминологическое различие, при котором остается проблематичным то, что действительно за ним скрывается.

Но все же верят, что имеют решение и полагают, что этому различию можно дать такое содержание, что каждое представление наделено имманентным предметом, но не каждое действительным. Я не могу помочь себе таким образом: здесь я вижу снова ложное удвоение, которое стало злым гением теории отображения (*Bildertheorie*): имманентный предмет (снова предполагается случай одновалентности) не может быть никаким иным, кроме как действительным предметом. Тот же самый предмет, который в представлении только представляется, в соответствующем утвердительном суждении преподносится в качестве действительно существующего. Просто ли мы представляем Берлин или судим о нем как о существующем – это в каждом случае сам Берлин. Тот, кто просто представляет, что золото желтое, имеет в виду идентично то же самое положение дел, которое другой признает существующим в суждении «золото [есть] желтое». И, естественно, точно так же предметы представлений «Цербер», « $2 + 2 = 5$ » и т. п. идентичны с преподносимыми в качестве несуществующих предметами суждений «Цербер не существует», «недействительно, что $2 + 2 = 5$ ».

Возможно, противоположная сторона согласится с подчеркнутыми здесь тождествами и попытается избежать упрека в удвоении следующим образом: объекты с обеих сторон фактически те же самые, только предмет, сначала просто представляемый, получает благодаря утвердительному или отрицательному экзистенциальному суждению печать действительности или недействительности, которая прикрепляет к нему ярлык истинного или ложного предмета. В этом смысле действительное [существование] следовало бы отделять от только «интенционального», только «модифицированного» существования. При этом продолжают, следовательно, понимать представляемый предмет как нечто присущее представлению в прямом (*im eigentlichen*) смысле слова. Являются же, говорят себе, представление и суждение активностями, которые относятся к предметам; предметы в них либо только представляются, либо одновременно признаются, соответственно, отрицаются. Как было бы подобное возможно, если бы психическим активностям не были бы присущи предметы, с которыми они могут иметь дело, как раз представляя, признавая или отрицая их?

Едва ли нужно говорить, что я считаю эту позицию несостоятельной. Если «имманентный предмет» (так напрямую, без всяких обиняков говорят вместо «интенциональный предмет») имманентен представлению в прямом смысле слова, в таком случае его существование является таким же настоящим и подлинным, как существование самого представления и становится совершенно непонятным, почему мы должны принижать его и признавать в качестве только модифицированного. Становится также непонятным, в чем же здесь, собственно, заключается модификация и что же она подразумевает. Без сомнения, имеют место случаи настоящей имманентности, но они *eo ipso* являются также случаями настоящего существования. Если я представляю цвет, к которому я созерцательно обращен, то этот цвет является действительно существующим в той же мере, как и любая другая вещь мира. Если истинно, что цветная реальная вещь не существует, то эта истина ничуть не лишает сам созерцаемый цвет его существования. Он не есть вещь, также как и представление в целом, реальной составной частью которого он является. Право же, вещь ли он или не-вещь, он существует как эта

часть представления и не может же прийти в голову кому-либо принижать его существование. Нам не требуется рассматривать, возможно ли это психологически, следовательно, в реальном и каузальном смысле, чтобы к созерцаемому цвету относилось отрицание; очевидна логическая невозможность, очевидно, что отрицательное экзистенциальное суждение было бы здесь ложным – здесь и, следовательно, в каждом случае настоящей имманентности представляемого: следовательно, в каждом случае вообще, когда противоположный взгляд был бы верным. Непреодолимая пропасть, которая отделяет представления, только что подкрепленные примерами класса [настоящей имманентности], от тех иных представлений, примеры которых нам предоставляют «миллионугольник», «десятиголовая змея», «неравносторонний прямоугольник», не была осознана в должной мере. Правда, различают наглядные и ненаглядные представления, однако напрасно стараются правильно постичь это различие, поскольку упускают из вида, что случай (т. е. полного и строго) наглядного созерцания пересекается со случаем имманентности данного (соответственно, любого) объекта представления, между тем как в другом случае на самом деле нельзя говорить об имманентности. Иначе с каким абсурдом мы должны были бы примириться! Если круглый четырехугольник имманентен представлению в том же самом смысле, что и созерцаемый цвет, то в представлении имелся бы круглый четырехугольник. Истина «круглый четырехугольник не существует» не была бы более строго универсальной или была бы в выражении неверно сформулирована: только вне представлений не существовали бы круглые четырехугольники; т. е. в качестве составных частей представлений такие [четырёхугольники] существовали бы в полной мере, круглые четырехугольники, таким образом, существовали бы столь же часто, сколь часто они представлялись бы. Поскольку представления существуют в действительности, то также должно было бы целиком и полностью признаваться существование любой без исключения бессмыслицы: царство имманентных представлений объектов и положений дел не подчинялось бы математическим и логическим законам. Не будет ли, однако, более разумным сказать: очевидно несовместимые друг с другом тезисы логики и математики как интендированы в строжайшей универсальности, так и с очевидностью значимы в полном объеме своей интенции? Им не знакомо различие между тем, что происходит в субъективных переживаниях людей и является для них значимым, и тем, что происходит и является значимым в остальном мире? В любом случае, прежде чем мы решимся на принятие столь сильных последствий, стоит обдумать, нельзя ли понять высказывания об имманентных предметах представлений и суждений как высказывания в переносном смысле в том роде, что самим актам вообще ничто не присуще, что в них в прямом смысле нет ничего, о чем можно было бы сказать, что это предмет, который акт представляет, соответственно, также признает или отвергает; что акты, следовательно, если они по типу активностей нуждаются в существующем материале, с которым они имели бы дело, могли бы иметь такой необходимый материал не в предметах, к которым они относятся; что скорее высказывания о чем-то присутствующем (Einwohnen) и в целом различие между «действительным» и «интенциональным» сводятся к определенным особенностям и различиям логической функции представлений, т. е. форм возможных действительных связей, в которые могут вступать представления, рассмотренные исключительно с точки зрения их объективного содержания. С таким пониманием тогда очень хорошо сочетается утверждение о модифицирующей силе атрибута «представленный». Так как повсеместно модификация указывает на *отклонение от прямого смысла* (Uneigentlichkeit) способа выражения, которое существенно меняет в каком-то отношении нормальное значение и функцию грамматического атрибута такому пониманию нас с самого начала подталкивает также отличие идеального и психического содержания актов представления. Первое ведь указывает на определенные связи идентификации, в которых мы схватываем тождество интенции (при случае схватываем с очевидностью), между тем как отдельные представления все же не обладают какой-либо общей психологически-идентичной составной частью. Мы причисляем с самого начала предметное отношение представлений к их идеальному содержанию, представ-

ления идентично того же самого значения могли, наряду с этим, обнаруживать объективную разность, представления различного значения, наряду с этим, – тождество. Речь здесь шла о представлениях, которые представляют тот же самый предмет, основанный ни на чем ином, кроме как на синтезах в суждении, следовательно, в познании. При внимательном рассмотрении оказывается, что установленная связь основывается при этом на объективном содержании соотносящихся актов представлений, она имеет объективно различный смысл (идентификация протекает в различном «направлении»), в зависимости от чего речь идет о значении или о предметном отношении. Однако теперь остается вопрос, как можно решить имеющуюся парадоксальность, как выглядят связи суждений следующего [парадокса], которые примиряют друг с другом кажущиеся контрадикторными высказывания: «каждое представление представляет предмет» и «не каждому представлению соответствует предмет», – и которые, в частности, разъясняют так легко понятное и удобное в употреблении и все же нуждающееся в объяснении различие между лишь интенциональными и действительными предметами.²⁶

Прежде всего, для того, чтобы наглядно прояснить существо происходящих здесь отклонений от прямого смысла, взглянем на родственные случаи. Квазиклассификация предметов на действительные и интенциональные аналогична классификации предметов на определенные и неопределенные. Такие представления, как «Карл V», представляют определенный предмет, напротив, представления такого вида, как «какой-то лев», – неопределенные. Если мы понимаем выражение «какой-то лев» или судим «существует какой-то лев», то мы непременно представляем льва – но индивидуально неопределенного, – и к нему же относится суждение. В соответствии с этим, стало быть, можно было бы классифицировать предметы на определенные и неопределенные. Но неужели неопределенные львы бегают ли по миру наряду с определенными львами? Распадается ли в соответствии с этим объем понятия лев на оба эти вида? К объему, однако, принадлежит все то, что существует в мире (da) в качестве льва, тем самым также тот неопределенный лев, о котором говорилось в предыдущем суждении. Естественно, последует ответ: каждый предмет в себе определен. Классификация львов на определенные и неопределенные не является классификацией львов – как, например, классификация на африканских и азиатских, – но классификацией представлений (и, естественно, объективных представлений) на такие, предметное отношение которых является определенным, а также такие, в которых оно является неопределенным (нечто, какое-то A).

Совершенно аналогичным образом обстоит дело с классификацией предметов на возможные и невозможные (например, чисел на реальные и мнимые). Здесь налицо не классификация предметов, но такая же классификация представлений, в зависимости от значимых суждений совместности и, соответственно, несовместности, в которые они входят. Числа, которое дает при возведении его в квадрат -1 , быть не может. Представление, которое выражено [в вышеприведенном предложении] до двоеточия, связывает противоречивые признаки; о том, что оно делает это и что соответствующий ему предмет поэтому не существует, как раз свидетельствует суждение, а с учетом того, что оно является составной частью в таком значимом суждении, оно само называется невозможным представлением и, опять же, его предмет называется невозможным.

Очевидно, что не иначе обстоит дело также при классификации, соответственно, различении предметов на существующие и несуществующие; это исключительно классификация

²⁶ Позднее, около 1900 года, Гуссерль делает к этому фрагменту дополнение: «Прежде всего, мы должны установить для себя удобное, в определенном отношении даже неизбежное ограничение, в соответствии с которым в последующих размышлениях под представлениями как таковыми следует понимать только тот выделенный класс представлений, который соответствует “именам” (в расширенном смысле Дж. Ст. Милля). Это ограничение везде, хотя и негласно, лежит в основе спора по обсуждаемым здесь вопросам. В остальном здесь сразу следует отметить, что наше исследование по методу и результатам применимо к представлениям любых видов, следовательно, также к пропозициональным представлениям (оригинальным представлениям положений дел), хотя с определенными модификациями, в связи с тем, что то, что понимается как “отношение к предмету”, обнаруживает очень разнообразные подвиды, которые как раз определяют виды представлений».

представлений на представления А, которые входят в состав значимых экзистенциальных суждений формы «А существует», и снова на такие [представления] В, которые входят в состав значимых экзистенциальных суждений коррелятивной формы «В не существует». Мы знаем, согласно теореме противоречия и т. д., что каждое представление V должно принадлежать либо классу А, либо классу В и никогда не может принадлежать одновременно обоим. Представления существуют при этом всегда, входят ли они в ту или иную связь суждений.

Естественно, здесь нужно остерегаться ошибочных толкований, к которым могли бы побудить рассуждения о представлениях А, которые входят в состав суждений формы «А существует». Если я говорю: «Бог существует», – то, очевидно, представление «Бог», но ни в коем случае не представление «представление Бога», является составной частью суждения (соответственно, представления предложения). Предложение не звучит: «Представление Бога существует». Мы говорим, что в одном случае судят о Боге, в другом о представлении Бога: в первом в суждение входит представление «Бог», в последнем – представление «представление Бога». Напрашивающееся смешение обеих мыслей: «каждое суждение связывает представления» и «каждое суждение судит о представлениях» – несомненно, было источником широко распространенного в старой логике заблуждения, что повсеместно судят только о представлениях, а не о представляемых вещах. И, следовательно, также в нашем случае недопустимо, чтобы классификация представлений в зависимости от форм суждений, соответственно, истин, в которые они входят, понималась ошибочно.

В приведенных здесь квазиклассификациях предметов, за которыми скрываются в действительности классификации представлений, вообще не учитываются субъективные акты представлений, скорее только их возможные объективные содержания, следовательно, представления в объективном смысле в тех или иных объективных связях. Если мы собираемся классификацию предметов на действительные и интенциональные также редуцировать к различиям в области представлений и при этом с учетом исключительно объективных представлений, то ясно, что мы возвращаемся к только что обсуждавшейся классификации предметов на несуществующие и существующие, поскольку мы под интенциональными предметами понимаем *только* интенциональные предметы. Только интенциональный предмет является предметом несуществующим, действительный предмет – существующим; понятия имеют, несомненно, тот же самый объем. Исключение существования в первом случае выражено в словечке «только». Если мы его опустим, то атрибут «интенциональный» более не «модифицирует» предмет в предмет несуществующий, но теперь предмет полагается в том смысле, который должен подходить для любого представления, как действительного, так и недействительного, или в том смысле, при котором совершенно отвлекаются от соответствующего вопроса о существовании. Поскольку объем понятия «интенциональный» вместе с прочими охватывает и действительные предметы, то теперь можно более не говорить о классификации.

Из наших обоих, кажущихся противоречивыми высказываний, одно, благодаря предыдущим размышлениям, уже совершенно ясно: «не каждому представлению V соответствует предмет», т. е. не каждое представление V составляет основу истины предложения «А существует», не каждое представление является «действительным» представлением, не каждое имеет «настоящий», «существующий» предмет или, говоря короче и прямо: не каждое представление имеет предмет. В самом деле, выражения «предмет» и «существующий, настоящий, действительный, подлинный предмет» совершенно эквивалентны, и если значение слова «иметь» также остается не модифицированным, то оно включает бытие того, чем обладают. К предметам в собственном смысле относится любое подлинное тождество: оно связывает два представления и отождествляет их предмет. Так как бытие в качестве тождественного (и точно так же: бытие в качестве различного) предполагает бытие тождественного (соответственно, различного). Подобное имеет силу также для любой подлинной истины отношения, так как бытие отношения включает бытие членов отношения. Отношение к предметам основывается

во всех этих случаях на значимости представлений, которые вступают в подобные связи суждений. Еще мы отмечаем здесь, что различие предложений «представление V является действительным» и «его предмет существует» или, чтобы в соответствии с ведущей интенцией ввести прямое выражение, «V существует» заключается лишь в том, что в эквивалентном изменении вместо представления представления в суждение подставляется простое представление и, таким образом, суждение, направленное рефлексивно на представление, переводится в коррелятивное, непосредственно направленное на предмет.

Второе из неоднократно упоминавшихся и кажущихся противоречивыми высказываний, а именно «каждое представление представляет предмет», относится к «интенциональным» предметам подобно тому, как первое к действительным. Согласно его смыслу, «круглый четырехугольник» должен представлять предмет точно так же, как и «четырёхугольник», «Цербер» точно так же как «пес Бисмарка». Если теперь должна существовать возможность повсеместно говорить о предмете представления, то должна, прежде всего, существовать также возможность эти «интенциональные» предметы идентифицировать или различать. Если теперь спросят, что это означает в подразумеваемом здесь смысле, что два идентичные представления представляют – отвлекаясь от существования и несуществования – тот же самый предмет, то сразу увидят, что здесь может подразумеваться только тождество при [условии] гипотезы (при [условии] пусть даже явно не высказанного предположения или чего-то эквивалентного ему)²⁷. Тождество, установленное безоговорочно (*unbedingt*), обязательно включает существование идентифицируемого. «Отвлекаться от существования и несуществования» может означать здесь, следовательно, только то, что на этот счет не требуется никакого решения, при такой идентификации речь идет каждый раз об отношении представлений, которое ничего не предрешает относительно их действительности и, соответственно, недействительности, и которое оказывается правильным, если мы предметное тождество устанавливаем при [условии] гипотезы, в то же время неправильным, если тождество устанавливается безусловно (*absolut*). Стало быть, если говорят: представление V и Vt представляют тот же самый предмет, то подразумевается только то, что они, при [условии] предположения, которое является в данных обстоятельствах само собой разумеющимся и которое должно быть добавлено, имеют те же самые предметы; например, [предположение] (чтобы выбрать простейший случай), что они, если они вообще имеют какие-либо [предметы], имеют предметы те же самые. «Возможный» предмет является тем же самым, и «он» является в определенных обстоятельствах проблематичным, сомнительным, ложно полагаемым, несуществующим, невозможным – сплошь модификации прямого смысла (*Uneigentlichkeiten*) высказываний в атрибуции и идентификации. Представления «Зевс» и «высший из олимпийских богов» имеют тот же самый интенциональный предмет, т. е. Зевс есть высший из олимпийских богов – согласно греческой мифологии. Мы, как правило, опускаем это дополнение и не замечаем его отсутствия, когда его нет: это само собой разумеется, что тот, кто судит о мифических объектах, становится на почву мифа, на самом деле не считая его истинным. Если бы мифу древних греков соответствовала истина, следовательно, если бы также оба представления были бы действительными, установленное тождество существовало бы; в этом заключается смысл кажущегося безусловным утверждения тождества, которое, будь оно понято как безусловное, не было бы истинным (*gültig*). Либо смысл лежит в одном из этих гипотетических эквивалентных высказываний: древние греки верили, что существует бог Зевс, он же является высшим из также принятых ими олимпийских богов и т. п. И естественно, таким же образом понимается грамматическое высказывание: оба имени называют тот же самый предмет. Принятое дословно и буквально, оно является ложным, однако его естественная функция заключается в отклонении от прямого смысла (*Uneigentlichkeit*), с учетом которого оно, в общем, понимается. Имя называет что-то, т. е. ему принадлежит пред-

²⁷ Текст в круглых скобках является более поздним дополнением. – *Прим. перев.*

ставление, предмет которого как раз есть то, что оно называет. Высказывания о тождестве названного предмета, таким образом, точно следуют в своем прямом (Eigentlichkeit), соответственно модифицированном смысле (Uneigentlichkeit), тем самым высказываниям о тождестве представляемого предмета и в обоих случаях преобладает модифицированное (uneigentliche) употребление.

Наша точка зрения подходит не только к единичным представлениям, к которым принадлежат наши последние примеры, но также к общим представлениям традиционной логики, которые часто определялись как представления, представляющие много предметов. Конечно, имеет место некоторая неловкость, когда такого рода принадлежащие к объему общего представления предметы обозначают как им представляемые; в любом случае, эти высказывания о многих представляемых предметах гораздо лучше подходили бы для представлений совокупности и коллектива, которые, однако, отличают от общих представлений. В зависимости от связи, то же самое общее представление «человек» или «какой-то человек» относится то к одному определенному человеку, как, например, Сократ («Сократ есть человек»), то к неопределенному множеству людей («люди существуют»), то к всеобщности людей (как раз в этом выражении «всеобщность людей»), и если теперь объем определяют как совокупность предметов, которые действительно могут попасть под общее представление, то кажется все же неестественным говорить, что общее представление представляет предметы своего объема, как если бы наряду с повсеместно идентичным содержанием, составляющим его значение, ему точно так же было бы свойственно повсеместно идентичное предметное отношение к этой совокупности объектов. Однако как бы там ни было, мы обнаруживаем в отношении к объему ту же самую двусмысленность, соответственно, отклонение от прямого смысла высказываний, которое позволяет замещать оба высказывания: «каждое представление (точнее, прежде всего, каждое общее представление) имеет объем» – «не каждое представление имеет объем». Аналогичным образом здесь можно было бы говорить о действительном и только интенциональном объемах: первое, когда соответствующая связь предполагает существование объема, когда, следовательно, высказывание можно понимать в прямом смысле (als eigentliche); последнее, напротив, когда вопрос о существовании объема остается открытым в силу невысказанного предположения, которое можно добавить [исходя] из интенции мыслительной связи в целом. Этот модифицированный способ высказывания очевидно является почти исключительно доминирующим, когда говорят об отношениях объема представлений (соответственно, понятий). По своему значению высказывание о том, что объемы представлений А и В тождественны (что оба представления относятся к одним и тем же предметам и т. п.), эквивалентно высказыванию: если оба представления вообще имеют объем, они имеют его тот же самый; или, в эквивалентной переформулировке: если нечто есть А, то оно есть В, и если нечто есть В, то оно есть А; другими словами, оба представления эквивалентны. Если к этому добавляется экзистенциальное суждение «А существует», то интенциональные объемы переходят в действительные. Ничего существенного не изменится в этих отношениях, если мы рассмотрим неопределенно-атрибутивные представления, которым соответствует или может соответствовать только один предмет, стало быть, представления формы «какое-то А», для которых истинно, что если вообще существует, то существует только один предмет, который есть А, например «самое малое простое число», «мощность рациональных чисел», «корень одного (т. е. данного) линейного уравнения» и т. п. Сущностный логический характер неопределенно-атрибутивного представления не меняется, если число предметов, с которыми оно предикативно связано, редуцировано к одному. Также здесь понятие объема сохраняет свое нормальное употребление; «общие» представления, определенные как представления, относящиеся ко многим предметам, как раз не образуют естественного класса.

Иначе обстоит дело с частными представлениями в том смысле, в котором они образуют исключительную противоположность неопределенно-атрибутивным [представлениям], приме-

ром чего служат представления, представленные именами собственными (при случае связанными с атрибутивными определениями), но все-таки, прежде всего, представления восприятия. Помимо того, что они сами имеют существенно иной характер, также речь об их объеме, хотя она общепринята, покидает почву естественного употребления. Неопределенно-атрибутивные представления имеют только косвенное отношение к предметам, они указывают на определенные предикаты, на предложения формы X есть A , Y есть A и т. д., где символы X , Y ... указывают на представления другой группы, которые прямым и собственным образом без подобного опосредования атрибутами и мыслительными связями в предложении (Satzgedanken) представляют предмет. В восприятии, напротив, представлен сам предмет; он, естественно, имеет в себе атрибуты, которые ему полагаются. Однако факт обладания ими не входит в содержание представления, оно само не имеет форму «нечто, которое есть a , b ...», скорее его функция исчерпывается тем, чтобы просто представлять предмет «в качестве того, что он есть». Объективно-логические связи сглаживают в определенных отношениях эти существенные различия, они связывают прямые и косвенные представления и позволяют, расширяя их, переносить понятия, образованные для одних, на другие. Там, где в представлении (значении) атрибуты не встречаются, также понятие объема утрачивает свою опору, как это сразу выясняется из дефиниции этого понятия. И все же говорят, как уже отмечено, даже при прямых представлениях об объеме, выделяемом в размере одного предмета, который они представляют. Их даже называют таким же образом единичными представлениями, как и те косвенные представления с одночленным объемом. Несмотря на существенно различное значение, которое в обоих случаях несет неопределенное выражение «отношение к предмету», и там, и там говорят одинаковым образом о представлениях, которые представляют только один предмет. Вместе с понятием объема расширяется, естественно, также смысл отношений между объемами: формула взаимозаменяемого гипотетического суждения «если нечто есть A , то оно есть B , и наоборот» дает простейшим образом эквивалент для тождества объемов в более широкой области. Однако, разумеется, т. н. связка «есть» теперь получает многозначный смысл, который в силу определенной однородности не нарушает формальные связи, но скорее естественным образом проистекает из них; вообще, как раз в этих эквивалентностях формальной закономерности лежат главные импульсы для разыгрывающихся здесь и практически полезных переносов. В случае, если мы поставим вместо « A » – «Сократа», то гипотетическое придаточное предложение звучит: «если нечто есть Сократ». Однако мы не можем сказать в том же самом смысле «нечто есть Сократ», так же как «нечто есть красное» или «нечто есть дерево». Сократ не атрибут, который мог бы полагаться предмету именно по типу атрибута. Кроме того, опять же, представление Сократ не является соотносящим представлением как «какое-то дерево», чтобы оно могло по типу таких представлений служить для того, чтобы относить «понятие» к «предмету понятия». В противоположность этим (обычно логиками не различаемым) значениям связки, здесь появляется, очевидно, новое [значение]: «нечто есть Сократ», конечно, может теперь подразумевать, что это есть нечто идентичное с Сократом.²⁸

Таким образом, в нашей гипотетической формуле должно оставаться открытым, функционирует ли словечко «есть» в одном или в другом смысле или, что сводится к тому же самому: значение связки в нашей формуле в дизъюнктивном расширении значения охватывает различные единичные значения. То, что это расширение, это «оставаться открытым» допустимо, основывается на том, что в пределах закономерностей гипотетических связей дизъюнктивно расширенное понятие соответствующих [связке] «есть» отношений функционирует

²⁸ Примечание Гуссерля: «То, что в основе всех значений связки лежит что-то идентичное, которое, будучи переплетенным с различным, основывает разнообразное значение связки “есть” в категорических высказываниях, ни в коем случае не должно здесь отрицаться. Таким образом, даже экзистенциальное понятие “есть” экзистенциального предложения двусмысленно в зависимости от того, связывается ли оно с “чистой позицией” понятия реального (бытие в качестве реальной действительности, соответственно, [бытие] в ней) или нет».

формально точно так же, как более узкие понятия. Например, как для идентифицирующего, так и для атрибутирующего и суммирующего «есть» имеет силу закон транзитивности: если верны оба предложения «если нечто есть А, оно есть В» и «если нечто есть В, оно есть С», то также верно предложение «если нечто есть А, оно есть С». И не только это: закон продолжает действовать также для дизъюнктивно расширенного «есть», поскольку связь гипотетических предпосылок указанной формы даже при различном значении связки дает в итоге соответствующее придаточное предложение следствия, в котором связка обладает одним или другим из этих значений. Подобное имеет силу также для других логических законов, которые принимаются в расчет в отношении выступающих здесь форм предложений.

В соответствии с этим мы можем, следовательно, установить единую гипотетическую форму в качестве меры тождества (соответственно, не-тождества) объема для всех форм предложений вообще и одинаковым образом регламентировать прочие предметные отношения или, что то же самое, прочие отношения объема между любыми представлениями.

Высказывания, что каждое представление имеет объем, что каждое представляет предмет, можно было бы в соответствии с этим интерпретировать как просто модифицированные. Их буквальный смысл (*eigentliche Meinung*) был бы выражен, соответственно, косвенным образом намечен в предложении: каждое представление имеет объем, представляет один или много предметов, если предположить, что относящееся к нему утвердительное экзистенциальное суждение является действительно значимым. Цель и опора этой модификации прямого смысла могла бы заключаться только в ее практической полезности, стало быть в том, чтобы каждое представление могло бы вступать в гипотетические отношения рассмотренной формы; чтобы можно было объемами, которые допускаются при [условии] предположения таких экзистенциальных суждений, которые, естественно, не должны быть обязательно сформулированными, оперировать в широкой и четко ограниченной сфере точно таким же образом, как и объемами действительными; вместе с тем, чтобы эквивалентность в точности имела формальные свойства отношения равенства, субординация [имела] формальные свойства отношения включения и т. д., таким образом, чтобы, пока не выходят за пределы области гипотетических связей, прекратить любые суждения о существовании или несуществовании соответствующих предметов и объемов, [чтобы] с высказываниями об объемах и отношениях объемов можно было обращаться точно таким же образом, как если бы они были прямыми и безоговорочными; и с этим также связано, например, чтобы наглядные образы из различных сфер могли найти применение в качестве характерных символов и технической поддержки [для] оформления суждений. Само собой разумеется, в этом положении дел (я подразумеваю не познание его *in abstracto*) заключен весьма действенный мотив для естественного возникновения и сохранения модифицированных способов высказываний как внутри, так и вне логики.

Впрочем, их [возникновение] можно отнести на счет более глубоких и общих логических причин. Если мы представим себе внутри паутины мыслей рассмотренного здесь вида экзистенциальные предложения, которые были бы необходимы, чтобы модифицированным оборотам речи и мысли придать собственный смысл (*Eigentlichkeit*), конъюнктивно соединенный с одним единым предположением, то мы можем столкнуться с логической закономерностью, которая имеет всецело универсальную значимость и чрезвычайную важность для понимания научной методологии: а именно, что формальные законы, которые регламентируют мышление при [условии] постоянного предположения, являются теми же самыми законами, что и те, которые имеют силу для, так сказать, свободного, т. е. не ограниченного никакими предпосылками [мышления]. С психологической точки зрения, мы можем предположение, которое мы «раз и навсегда» зафиксировали или которое лежит в основе наших последующих мыслительных ходов как «само собой разумеющееся», но без ясной фиксации (это указывает на предрасположенности к определенным дополнительным размышлениям и ограничениям), во время этих ходов часто совершенно игнорировать и можем делать это также на самом деле без ущерба для

истины. Любой способ переформулировки, согласно чисто логическим законам, соответствующих, при [условии] предположения, вынесенных суждений или [любой способ] вывода из них следствий, который был бы оправданным, если бы эти суждения были безусловными, имеет также силу в имеющемся случае их зависимости от скрытого или невысказанного предположения: что выведенные суждения сами, в свою очередь, зависят от него. Или, с логической точки зрения: придаточные предложения одного и того же предположения подчиняются тем же самым законам дедукции, которые имеют силу для самостоятельных предложений, каждое заключение, которое имело бы силу исходя из таких придаточных предложений самих по себе, имеет силу также при предположении, а именно в качестве сделанного при его [условии]. С этим связано то, что каждое обусловленное высказывание об истине и ложности, существовании и несуществовании, следствии и его отсутствии, действительных или фиктивных предметах и т. д. может быть истолковано точно так же как безусловное, коль скоро уверены в том, что пределы имеющегося предположения не нарушаются. Это имеет важные следствия, в особенности в системах дедукции так называемой «формальной арифметики», где гипотетические соединения в определенном порядке формальных базисных понятий и относящихся к ним аксиом служат для конституирования замкнутой математической области, «алгебры», чье содержание образует разветвляющаяся в бесконечность система подлежащих выводу в чистой дедукции, формальных следствий этих основоположений. Здесь не только так говорят, скорее даже так судят, как будто дедуцированные истины, существования, отношения, несоместимости были бы значимы безоговорочно.

Иной, адекватный (*eigentliche*) способ выражения и суждения был бы, ввиду дополнительной (и бесполезной) мыслительной работы, которая должна быть выполнена, просто неосуществим. Непокосимое правило, у правильно образованного исследователя ставшее комплексом привычек, – не судить ни о чем, что не следует исключительно из аксиом, – гарантирует значимость выдвигаемых положений и практически определяет границы свободного логического движения. В таком случае, если исследователь, примеры чего имеются, превратно понимает гипотетический характер основоположений и полагает, что дефиниция (которая создает «данную» область) должна вполне серьезно иметь силу в действительности, полагать существование, то это не имеет никакого влияния на внутреннюю убедительность математической системы. Если правильно не осознают характер основоположений, дедуцированные истины понимают так, как если бы они утверждались фактически, безусловно также по своей объективной значимости как безусловно существующие сами по себе, то единственно необходимой коррекцией будет простое подчинение [их] условному предположению. И подобное имеет значение вообще: мы должны в значительной мере довериться модифицированному способу выражения и, как правило, данному вместе с ним модифицированному мышлению: [во-первых,] в той мере, в какой логическое мышление действует при этом на основе рассмотренной выше закономерности, в других же случаях – когда связи суждений друг с другом и с предположениями лишь фактического вида осуществляются (*sind*) на основе достоверности нашей памяти, которая, впрочем, вступает в действие также в первых [случаях], если это делает возможным соединение результатов с предположением. Эти модификации мышления, эти факты, что мы выносим бесчисленные суждения, которые мы «по существу», однако, не полагаем, что имеются как замещающие представления, так и замещающие суждения, одно от другого неотделимо, это сердцевина (*Hauptstück*) «экономии мышления». Нельзя понять без нее науку как осуществление человеческого мышления.

Выше мы находили опору для нашей точки зрения в математике и, однако, как раз из этой науки пытаются почерпнуть контраргументы.

Побудить к сомнению могло бы то, что в соответствии с нашим подходом не уделяется должного внимания различию между математическим существованием и несуществованием (стало быть, различию между реальным и воображаемым в смысле старой математики

и логики). Скажут, что вопрос о том, соответствуют ли идеальным геометрическим понятиям предметы в действительности, полностью выпадает из области геометрического исследования. И все же геометры различают действительные и недействительные понятия, они говорят, соответственно, о существовании и несуществовании геометрических образований и часто приводят для одних и для других самые обстоятельные доказательства, соответственно, конструкции. Таким образом, в представлениях, которым не обязательно соответствуют предметы в действительности и, по мнению большинства, вовсе не соответствуют, существует, как это кажется, существенное различие, совершенно аналогичное обычному [различию] между действительными и недействительными представлениями: одни представляют геометрические предметы, другие нет. Суждение тождества «два представления имеют те же самые предметы» не могут здесь зависеть от гипотезы: «если предположить, что им вообще соответствует предмет», поскольку сравнение суждений относится не к действительным, но к математическим объектам и подобные объекты при «реальных» понятиях имеются на самом деле. Таким образом, кажется сомнительным основывать понятие представляемого предмета лишь на гипотетических отношениях суждений, или это кажется уместным только в том случае, если намереваются говорить о предметах в отношении всех представлений вообще, следовательно, также в отношении «круглых четырехугольников». Но не будут же ставить понятия этого вида на одну ступень с подлинными геометрическими понятиями, «реальность» которых демонстрируется благодаря конструкции, между тем как мы при этом движемся не на почве действительной, но как раз математической реальности.

Если мы выше ссылались на формальную математику, то наши противники ссылаются на реальную. Первая является свободным от любого наглядного созерцания рассуждением, которое рассматривает чистые формы математических связей и систем в наиболее общей универсальности, исследует их разнообразные возможные вариации и таким образом посредством глубочайшего проникновения в технику математических связей дает также большую техническую власть над математическими объектами, большую методическую свободу и искусность. Напротив, реальная математика опирается на наглядное созерцание, на нем основывает свои понятия и от него же получает свойственную ей реальность.

Стало быть, таким путем могли бы вновь попытаться спасти для интенциональных предметов, по крайней мере, в области математики²⁹, какой-то вид существования; однако также здесь обманчивая видимость тает при учете нескольких надстраивающихся друг над другом модификаций. Нет различных модусов существования или значимости, а где мы полагаем найти таковые, там либо высказывания являются модифицированными, либо различия касаются объема употребления, который благодаря привычному отношению к основной интересующей сфере кажется суженным, между тем как понятие одновременно в явно не выраженной форме обогащается.

Часто термин существование (Existenz) употребляется в смысле реального бытия (Dasein), существования внутри реальной действительности; здесь примитивное и более общее понятие существования содержательно обогащается и [его] объем сужается рамками реальных предметов. Истины, предложения, понятия также являются предметами, также в их отношении говорится о существовании в полном и прямом смысле, однако, они вообще не являются чем-то, что можно было бы встретить в реальной действительности. Насколько выражение «имеется какое-то А» может претендовать на смысл и истину, настолько же простирается сфера понятия существования. В соответствии с этим, является двусмысленным утверждение, что объекты, соответствующие математическим понятиям, не существуют, в зависимости от того, мыслят ли [при этом] реальную действительность или нет. Если бы мы имели, как верят мно-

²⁹ В манускрипте вместо «математики» стоит «возможность». Изменение внесено немецким редактором К. Шуманном и воспроизводится в данном переводе.

гие, о геометрических образованиях адекватное наглядное представление в фантазии, тогда их представлениям соответствовала бы истина и все же, возможно, не действительность, как и тогда, к примеру, когда предположение действительного мира было бы обманчивой видимостью. Здесь дело обстоит подобным же образом, как и с понятиями чувственных качеств: в фантазме красного предмета красный цвет действительно существует, даже если в *действительности* красная вещь и, тем самым, также индивидуально присущая ей краснота не существовали бы. Репрезентативное отношение наглядного образа к наглядно не созерцаемой действительности, конечно, позволяет нам сказать: лишь сфантазированный объект не является объектом. Однако это означает только то, что фантазма не есть то, что она представляет. Но, взятая сама по себе, она существует, и вместе с ней все абстрактные моменты, которые ее конституируют и которые мы в ней усматриваем. Правда, можно было бы усомниться, возможно ли на самом деле наглядное созерцание геометрических объектов или скорее очевидно, что этого не происходит. Наглядное созерцание и пространственно-эмпирическое восприятие содержат исходные пункты и ведущие мотивы для образования геометрических понятий, но принадлежащие понятиям абстрактные предметы и их атрибуты не могут быть получены просто через «абстракцию» (в обычном теперь смысле внимательного выделения отдельных черт) из наглядных созерцаний, они не находятся внутри них как видимая форма в видимой «поверхности». Треугольник, наглядно демонстрирующий абстрактное понятие, не является геометрической фигурой, он служит геометру в качестве простого символа, типичный образец которого обладает в его душе привычной связью с соответствующим чистым понятием и его идеальным или лишь «мыслимым» предметом. Созерцаемая форма действительно обладает существованием, так же как и само наглядное созерцание, она лежит, следовательно, в основе очевидной возможности представления оформленных таким образом объектов вообще. Геометрическая форма, напротив, имеет только представленное существование, существование благодаря дефиниции и значимой дедукции из аксиоматических основоположений. Возможность геометрических образований, следовательно, совместимость объединенных в их представлениях определений обеспечивается не благодаря наглядному созерцанию этих образований (поскольку мы, безусловно, лишены такого наглядного созерцания), но благодаря совместимости скоординированных в аксиоматических основоположениях элементарных определений и благодаря чистой дедукции, которая обеспечивает «доказательство существования». Основоположения совершенной и чистой геометрической системы есть не что иное, как расщепленная в ряд отдельных высказываний дефиниция, соответственно, гипотетическое полагание разнообразия, которое следует считать геометрическим пространством. Это высказывания двойного вида: экзистенциальные высказывания и относящиеся к их предметам общие (номологические) высказывания. «Мы предполагаем (“представляем себе”) разнообразие, которое мы называем пространством, его элементы [называем] точками со следующими свойствами: пара его точек образуют “прямую”. Две прямые пересекаются в одной точке и т. д.» Система чистых следствий (в отношении к пространству рассматривается совокупность его конзекутивных свойств) образует содержание геометрии. В пространстве «существует» любое образование, существование которого является чистым следствием из основоположений, стало быть, из дефиниции пространства, соответственно, полагания пространства. Все предложения геометрии, как экзистенциальные, так и номологические, выносятся при [условии] никогда не высказываемого, в силу его само собой разумеющегося характера, общего предположения: если допустить, что существует пространство, разнообразие так-то и так-то определенного (в основоположениях четко определенного посредством дефиниций) вида, то в нем существуют такие-то и такие-то образования, для этих последних значимы такие-то и такие-то предложения и так далее. Математическое существование и несуществование есть, следовательно, существование и несуществование при [условии] гипотетического полагания соответствующих основоположений: экзистенциальные предложения, как в общей сложности все матема-

тические тезисы, являются неполными, являются простыми дополнениями гипотетических предложений с всегда одинаковой вводной частью. Исключение составляют лишь существования, которые положены в основоположениях, они не являются существованиями при [условии] гипотезы, но сами есть гипотезы, следовательно, опять же неподлинны существования. Таким образом, геометрическая истина и существование не означают возможность или совместимость, будь-то сами по себе, будь то при условии основоположений. Красный четырехугольник не есть геометрическое существование, красный и черный (по всей поверхности) четырехугольник не есть геометрическое несуществование. Скорее речь идет о чисто дедуктивно обусловленном (логически с необходимостью следующим) существовании или несуществовании при гипотезе основоположений, когда о специально принятом содержании существования последних речь не идет. «В определенном посредством дефиниций пространстве» существует квадрат, но не существует круглый квадрат, треугольник, но не равносторонний прямоугольный треугольник и т. д. Подобным образом мы говорим «в греческой мифологии» существуют нимфы, «в немецких народных сказках» – Красная Шапочка и т. д.; только здесь нам не нужно иметь дела с научными гипотезами и чистыми дедукциями. Мы не будем, следовательно, одобрять неясные высказывания о различных областях существования, о различных «мирах» (universes of discourse), которые по разному распоряжаются существованием и несуществованием того же самого объекта. «Мир» мифа, мир поэзии, мир геометрии, действительный мир – это неравноправные миры. Существует только одна истина и только один мир, но множество представлений, религиозные и мифологические убеждения, гипотезы, фикции, и вся разница сводится к тому, что мы чаще, иногда по причинам практического удобства, говорим так, словно бы суждения, которые мы выносим, были безоговорочными, [сводится к тому], что мы используем безусловные экзистенциальные высказывания, в то время как логически правильное выражение требовало бы гипотетических предложений с этими экзистенциальными предложениями в качестве придаточных предложений (или даже других эквивалентно редуцируемых к гипотетическим предложениям этого вида форм предложений). Это происходит, естественно, тогда, когда широкое разнообразие высказываний выносится при [условии] одного и того же, будь то фиктивного (произвольного, поэтического, мифологического), будь то научного предположения, хотя оно не только не высказывается, но, как правило, фактически не мыслится; оно остается тогда часто в диспозициональном возбуждении и часто придает обусловленным суждениям субъективный психологический характер, по которому мы распознаем их в качестве обусловленных. Однако часто не происходит даже этого, суждения выносятся как безусловные, в то время как только с учетом связи этого хода размышлений с суждениями других групп проявляется необходимость понимать их в качестве условно значимых. Геометр не выносит условных суждений. Только критическая рефлексия на их значимость (Wert) приводит его, если вообще [приводит], к познанию правильного положения дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.